

ЮНЬИ
НАТУРАЛИСТ 2

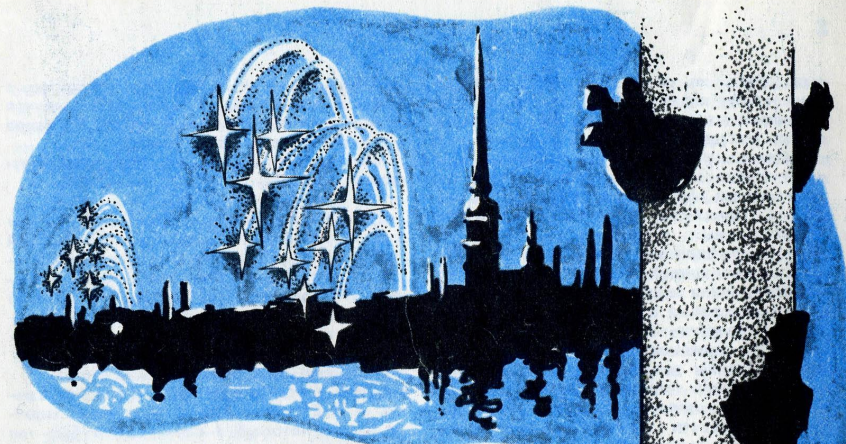
ГОРОД РОДНОЙ

Есть в истории Советской Армии даты, будто славные вехи на ее боевом пути. И среди них легендарные даты Великой Отечественной войны. Битва за Москву, Сталинград, Орловско-Курское сражение, героическая оборона города Ленина, колыбели Великого Октября — названия эти — символы отваги, мужества, побед.

Тридцать лет назад советские солдаты сняли вражескую блокаду города на Неве. Вот почему в последние дни января часто можно было увидеть на ленинградских улицах бывших фронтовиков, тех, кто надевает форму лишь в торжественные дни юбилеев и праздников. Они приехали сюда, чтобы вместе с ленинградцами, вспомнив, снова и снова пережить далекие грозные годы.

Рудольф Александрович Теас, учитель, перенесший все тяготы блокады, повел меня к Эрмитажу встречать ленинградский полдень. «Лучшего места не сыщешь», — неустанно повторял он, пока шли мы с Васильевского острова через Дворцовый мост. И вправду, лучшего места трудно было сыскать. Отсюда, с набережной, где гранитные ступени спуска к Неве сверкали под зимним солнцем, Петропавловская крепость как на ладони. Только не мы одни думали так — многие облюбовали этот спуск и теперь смотрели через Неву на крепостные стены.

Рис. Т. Сопиной

НАД НЕВОЙ

Сначала там появилось белое облачко, а следом пронесся над льдом громовой раскат холостого выстрела. Всполошенные воробьи сорвались с карнизов, эхо выстрела прокатилось вдоль реки, раздвигая стеклами домов легкое дребезжание. В Ленинграде наступил полдень, и услышать этот мирный сигнал пришли сюда ветераны.

О чем думали они! Что напомнил им необычный орудийный раскат!

Город звал их к себе, и каждый находил что-то близкое, дорогое. У Вечного огня на Марсовом поле, где когда-то под папахами сугробов прятались землянки зенитных батарей, на скверах, распаханных в блокадное лето под морковь и капусту, в цехах Кировского завода, что в ту пору находился буквально в двух шагах от передовой. Да мало ли памятных мест было у них в Ленинграде, подходя к которым чаще стучало сердце, а порой подкапывал к горлу тяжелый ком.

Теперь вокруг звенел морозный день. Подъезжали к Эрмитажу автобусы с экскурсантами, и входные двери выбрасывали навстречу им густые всплески клубящегося пара.

С Рудольфом Александровичем пошли мы на Невский по набережной Мойки. Мимо разложенных вдоль парапета иссиня-черных труб (шла реконструкция набережной), мимо штабелей желтых сосно-

вых досок, на которых тусклыми напылками стыли капли воды. Тарахтел движок, откичивая из траншеи воду, и она скатывалась с груди наброшенной земли по голубоватому ледяному желобу. На другой стороне Мойки в железном тигле поплыхал огонь [строители растапливали асфальт]. Пламя неистово бушевало и было бездымным, сухим.

Рудольф Александрович будто не замечал ничего вокруг. Видно, слишком много напомнили ему и эта мирная траншея, и это пламя в железном тигле. И виделся, наверное, ему город, изрезанный окопами, выставивший навстречу врагу острые стволы зенитных батарей и бетонные пирамиды противотанковых надолб. Тот сурово-молчаливый, страшный в этой своей суровости Ленинград первой студенкой зимы героической обороны.

Нет, ему, очевидцу, никогда не забыть трудной зимы. С ледяными ветрами и жестокими морозами. Без электричества и водопровода. С желанным, но редким огнем железных печурок в домах, с длинными саночными колесами к прорубям на Неве.

То были первые блокадные месяцы, а потом неделя за неделей складывались в беспримерную цифру 900, в то огромное количество дней обороны, которых не знала раньше история.

Многое вместили они. Горечь потери близких и радость встречи первых полуторок с хлебом, прибывших через Ладогу по ледовой «Дороге жизни», непоколебимую твердость живых и ненависть к врагу, озверело обстреливавшему город. И конечно, постоянную веру в победу, что придавала силу, рождала мужество, героизм, стойкость!

То было трудное время, но ленинградцы выстояли, выстоял город, где не было различия между фронтом и тылом, где каждый житель считал себя солдатом, а каждый солдат стоял насмерть.

Сколько примеров самоотверженности сохранила память народная, донесли газетные страницы тех дней, дневниковые записи очевидцев! Были среди них и бесхитростные рассказы о мужестве ребят, об их делах в помощь фронту.

Рудольф Александрович тоже вел дневник. Учитель по профессии, он в первую

очередь заносил в тетрадь фронтовые были о юных героях, сам искал случая встретиться с ребятами, и не раз за такое упорство судьба вознаграждала его.

Вот первая запись из фронтовой тетради.

Не помню, почему у нас начался этот разговор. Может быть, потому, что мой собеседник, начальник штаба артиллерийского полка, до войны тоже был учителем. А возможно, и потому, что в этот день было первое сентября.

Капитан достал часы, глядя на бегущую стрелку, мечтательно сказал:

— А там уже идет первый урок.

«Там» — это значило на Большой земле. А «здесь» — это на маленьком клочке суши, который в самом деле был так мал, что люди называли его «пяточком». Ораниенбаумским «пяточком».

Оставшийся в тылу врага героический гарнизон хорошо знал, какое имел значение этот «пяточок» для обороны Ленинграда, и поэтому в кровопролитных боях отстаивал каждый вершок непокоренной земли.

— Да, — продолжал капитан, — я еще не рассказывал вам о ребятах, с которыми встречаюсь сегодня. Рядом с нашим участком есть колхоз и там бригада школьников. Вот уже два года они помогают громить врага.

Капитан хотел добавить еще что-то, но тут раздался взрыв. Где-то поблизости упал снаряд. И сразу заверещал телефон. Капитан взял трубку, стал слышен чей-то басистый голос на другом конце провода.

Положив трубку, капитан направился к выходу. С порога обернулся.

— А у этих ребят вы обязательно побывайте!

В бригаду я выбрался только на другой день. Это были удивительные ребята. Самому младшему — Феде — едва минуло девять лет, а самому старшему — Сереже Круглову — шел четырнадцатый. До войны Сережа занимался в юннатском кружке, хорошо знал, как выращивать овощи, и поэтому ребята избрали его бригадиром.

До вчерашнего дня вдоль поля тянулись зеленые рядки моркови, картофеля, ровные голубые борозды капусты. Ребята смотрели на огромные кочаны, на сочную

ботву и радовались урожаю. И вдруг из-за леса появились вражеские самолеты. Едва все успели спрятаться в укрытие, как засвистели пули, потом от сброшенных бомб содрогнулась земля.

Вышли из траншеи, а голубые кочаны землей засыпаны. У Нади Вихровой забежали слезинки: одна, другая — не удержаться.

Сережа первым пришел в себя:

— А ну за дело, ребята!

Лицо у Сережи грустное, озабоченное. Присядет молча на грядку и выкапывает кочаны из земли, а сам опасливо на небо поглядывает — вдруг снова налет.

К обеденным деревянным ящикам с верхом наполнили морковью и капустой. Можно было отдохнуть.

— Едут! Едут! — вдруг прокричал кто-то.

И вправду, из-за леса выскочила тридцатьчетверка. Сережкина бригада повскакала с мест. И только что тихие, молчаливые мальчишки и девчонки вдруг оживились. Они скинули свои платки, шапки и, размахивая ими, побежали навстречу танку:

— Сюдал! Сюдал!

Вскоре на броню были установлены ящики с капустой и морковью. Закрепив веревкой последний ящик, командир подошел к Сережке и, наклонившись, что-то шепнул. Сережа согласно кивнул головой, застегнул на все пуговицы телогрейку и, по-солдатски одернув полы, подал команду.

Через минуту Сережкина бригада была в строю.

Командир пересчитал ребят, потом прыгнул в полевой сумке, неторопливо прошел перед строем и каждому на серую запяленную телогрейку прикрепил гвардейский значок.

— Вы, — сказал он, — сражались без винтовок, но честно заслужили высокое звание гвардейцев!

Из таких обыденных на первый взгляд, а на самом деле очень нужных дел создавалась летопись боевой славы юных ленинградцев. И разве не причастна к великому подвигу Сережкина бригада! И не в честь ли таких бесстрашных ребят поставлен в Таврическом саду обелиск!

Среди зимы неожиданно ударила оттепель, когда пришли мы туда. Мокрый снег лежал на узорчатых перилах мостика через ручей. И на скамейках стадиона, распахнутые ворота которого были совсем рядом, тоже лежал снег, и ребяташки скатывали его в комья, и три небольших снеговика уже горделиво стояли на возвышении.

К постаменту обелиска кто-то проло-

жил неровный след, и там, где обрывался этот след, пламенели на снегу гвоздики. Они будто бросали ответ на выточенные из камня фигуры юных героев, на факел, что высоко над собой поднял один из них. А рядом, за обелиском, на самом краю мемориальных посадок, словно живой факел, светился желтыми листьями «зимний» дуб.

Рудольф Александрович долго смотрел на чеканные, будто вырезанные из меди листья, и теплел, теплел его взгляд, и добрая улыбка радости не сходила с лица. Я понимал и не беспокоил его неуместными вопросами, потому что сейчас он снова был там, в днях тридцатилетней давности, и снова, может, переживал ту встречу, о которой в дневнике осталось с десяток коротких строк.

Ранней весной 1944 года на берегу реки Шелони, там, где находилась база штаба ленинградских партизан, было необыкновенно оживленно. На небольшой лесной аэродром то и дело приземлялись самолеты. Они летели из самых отдаленных уголков фронта, из партизанского края, с лесных урочищ. Более четырехсот юных партизан привезли сюда летчики. Эти тринадцати-четырнадцатилетние мальчишки рассказывали о сожженных деревнях, убитых братьях и отцах, о своих товарищах, погибших в боях с фашистскими захватчиками. И вдруг командир задал неожиданный вопрос:

— Юннаты среди вас есть?

Поднялось несколько рук.

— Вот и прекрасно! Наверное, вы сумеете показать остальным, как сажать яблони?

Это был странный вопрос, совсем, казалось бы, неподходящий для такого времени. Ведь рядом шли бои, кругом дымилась городка и деревни, земля стонала от ран, нанесенных войной. Но командир не отступал.

— Ребята, — сказал он, — немного осталось ждать до того дня, когда на нашей земле начнется мирная жизнь. Разрушенные войной деревни и города придется восстанавливать. А сколько садов надо будет посадить вновь? Давайте заложим первый послевоенный сад в нашей области!

И четыреста ребят, только что видевших кровь и смерть, переживших все ужасы войны, вышли на посадку партизанского сада на берегу реки Шелони.

Сейчас точно не скажешь, первый ли то был сад, заложенный на ленинградской земле в честь победы Советской Армии. А сегодня на рубежах героической обороны раскинулся уникальный Зеленый

пояс Славы. И так же символично, как 900 дней, звучат теперь и другие слова... 220 километров. Такова протяженность мемориального пояса вокруг города-героя.

Вслушайтесь в названия отдельных обелисков! В них гимн победы, светлая песнь отваги и бессмертия!

«Непокоренные», «Ижорский таран», «Январский гром», «Берег мужественных», «Разорванное кольцо», «Цветок жизни»...

Зеленый пояс Славы — это десятки тысяч деревьев и кустарников: сады Пулковских высот, молодые рощи Дубровки, березовые аллеи вдоль «Дороги жизни».

Люди всегда считали дерево символом памяти и долголетия. Посаженное сегодня, оно понесет от поколения к поколению безграничную благодарность ленинградцев к воинам, совершившим легендарный подвиг, безмерное уважение к славным защитникам Родины.

Среди мемориальных посадок много пионерских. Школьники Ленинграда шефствуют над «Дорогой жизни». 45 километров от Ладожского озера до Финляндского вокзала раскреплены за всеми районными пионерскими отрядами. Три километра — таков фронт действий каждого объединенного отряда «Пионерстрой». Пройдет время — сомкнутся кроны деревьев, сольются в красочный разлив пестрые ручьи цветов, подрастут, окрепнут возле обелисков тополя, березы и клены.

Вместе с ними возмужают нынешние ребята, что заботливо ухаживали за мемориальными посадками, возмужают сегодняшние пионеры, многие из которых здесь, на поясе Славы, произнесли слова своей торжественной клятвы.

А пока в дни памятных дат в почетном карауле у обелисков стоят вместе пионеры и воины Советской Армии. Те, кто сегодня бережет мирное небо Родины, спокойное детство наших ребят.

Армия, молодежь, комсомол. Как неразделимы эти понятия! Вот почему среди делегатов XVII съезда ВЛКСМ будут молодые пары в светлых парадных кителях. Они приедут в Москву и отсюда, с берегов Невы, и из многих дальних и близких гарнизонов, чтобы рапортовать высшему комсомольскому форуму о своих сегодняшних ратных делах. О том, что героические традиции отцов и старших братьев, защитивших в суровую пору войны жизнь и счастье советских людей, святы и непреклонны, что могучее оружие, данное Родиной советским воинам, и ныне в надежных, крепких руках.

В. Кулагин

Разлетелись во все концы нашей страны яркочерные конверты с семенами. Самому быстрому ветру не угнаться за ними, так быстро летели они к адресату. Деревце по почте не перешлешь, поэтому не так далеко разбежались они от школьных питомников: кто поселился на соседней улице, кто перекочевал в соседнее село, а некоторым почастливилось перебраться в соседнюю область.

Каждый день приходят в редакцию письма-заявки на семена. Хочется ребятам, чтобы еще веселее было в родной деревне, городе, селе. Но не только просят юннаты семена, они рассказывают и о своих делах. Слушай, эстафета, донесения!

Наша средняя школа № 52 включилась в эстафету. В прошлом году мы вырастили рассаду многих однолетних цветов и высадили их у памятников и на братских могилах героев гражданской и Отечественной войн.

Мы послали юннатам Казахстана больше трех килограммов цветочных семян специально для парка Шевченко на Мангышлаке.

Светлана Горбунова

г. Запорожье

Мы решили превратить нашу деревню Кошноруй в цветущий сад. Из питомника школы высадили на улицы деревни около 1000 корней ирги, саженцы яблони. В этом деле инициаторами были Гена Павлов, Лида Ефимова, Полина Михайлова.

Осенью мы посеяли семена дикой яблони, ирги, золотистой смородины, посадили черенки черной смородины и крыжовника. Саженцы и сеянцы в этом году получат жители других деревень.

Валентин Абрамов

Чувашская АССР

Вокруг нашей школы зеленая изгородь в два ряда. Первый ряд — акация. Акацией обсадили спортивную площадку, двор школы, территорию интерната. Всего высажено около 10 тысяч саженцев акации. Второй ряд зеленой изгороди состоит из 200 лип. На территории нашей школы растут березы, липы, ели.

Люба Лапонова

Башкирская АССР

Наш класс шефствует над детским садом. Малыши нам всегда рады. Играем с ними в разные игры, читаем им сказки, рассказы, показываем диафильмы. Детскому саду мы хотим сделать подарок — посадить цветы.

Ира Джавахишвили

г. Баку

Баюкают землю февральские ветры, но некрепок ее сон. Под снегом пробуждаются травинки, первоцветы, слушают последние колыбельные песни зимы просыпающиеся деревья. Долго до первых проталин, до голубого апреля с его веселыми капелями, с говорливыми ручейками, с теплыми солнечными днями. Недаром в эту вьюжную пору вспомнили мы о цветах. Чтобы подарить первые весенние букеты самому близкому и любимому другу всех детей — Владимиру Ильичу Ленину, нужно уже сейчас обменяться семенами, подумать, какие цветы распустятся к 22 апреля.

Первые весенние букеты к памятникам и монументам В. И. Ленину!

ПРИКАЗ № 2

по отрядам эстафеты «Зеленый наряд Отчизны»

ЧЕТВЕРТЫЙ этап «Цветы — Ильичу». По-весеннему радостен этот день 22 апреля — день рождения Владимира Ильича Ленина. По всей стране нашей зазвучат тогда пионерские горны. Живая красочная река из цветов разольется у памятников и монументов В. И. Ленину. Первые весенние цветы: гвоздики, нарциссы и тюльпаны — В. И. Ленину! И обязательно подснежники. Пахнущие весной, стоявшие в морозы — скромные букетики из этих цветов могут поспорить с самыми яркими и ослепительными букетами.

«Каждой пионерской дружине, каждому пионерскому отряду свои цветы!»

Таков девиз этого этапа нашей эстафеты.

В нашем отряде пятьдесят четыре человека. Мы работаем на пришкольном участке площадью 0,52 гектара. Вырастили десять тысяч декоративных растений. В двух скверах на селе и около школы-интерната у нас растут около 220 деревьев.

Люба Акулова

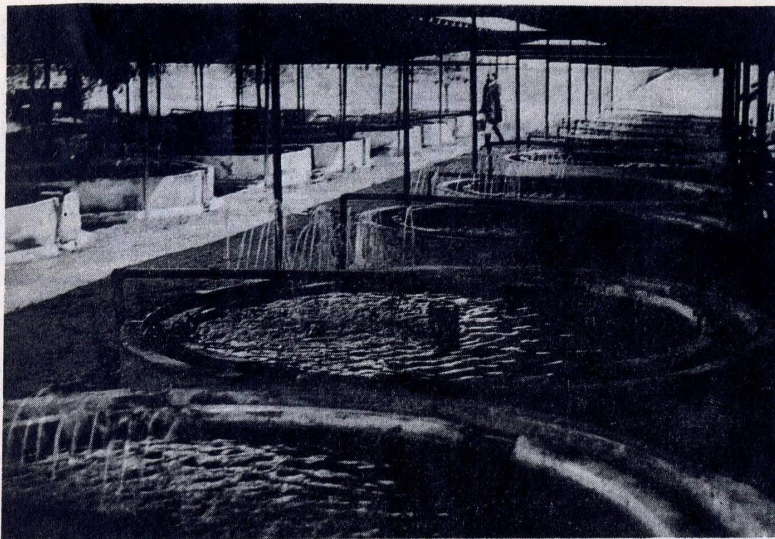
Томская область

У нас в школе есть розарий из пятнадцати сортов роз. Еще выращиваем пятьдесят сортов гладиолусов, двадцать пять — тюльпанов, недавно получили из Сочинского института горного садоводства пять сортов гибридов лилий. Всего у нас около трехсот сортов цветов.

Галя Балицкая

Житомирская область

ДЛЯ РЫБНЫХ УРОЖАЕВ

Лет десять назад я рыбачил на Дону чуть ниже станицы Семикаракорской. Река в том месте поделена большим песчаным островом на два рукава — судоходное русло и протоку, а потом сразу поворачивает вправо, образуя выше и ниже острова стремнины и водовороты. Спиннинговать там — одно удовольствие. Особенно если повезет.

Но и в этот раз мне не везло. К полудню, собрав снасти и перебравшись через протоку, я пошел правым берегом к парому. У переправы в тени развесистой вербы уже ждали такие же, как и я, неудачники. Только у одного старика в корзине из ивовых прутьев золотел десяток словно литых сазанов. Все любопытствовали насчет уловистого места, наживки, привады. Старик отмалчивался, а потом в сердцах сказал:

— Да разве то рыба? По прежним временам я б за утро ее целый мешок словил... Да и как ей быть — шум на реке. Он кивнул на караван барж, что тянулись вверх по течению, перегородив дорогу парому. А потом продолжал:

— Раньше, когда рыба шла на нерест, церквам даже по праздникам было запрещено звонить в колокола. Чтоб не пугать. А теперь по Дону толчея...

Я вспомнил о той давней встрече ны-

нешним летом, когда снова побывал на Дону. С берега зеленого острова, любимого места отдыха ростовчан, я попытался сосчитать шедшие мимо речные суда. И скоро сбился со счета. Не успевала одна «Ракета» или «Метеор» скрыться из виду, как следом или навстречу уже мчался другой скоростник, подняв над водой свое узкое тело. Самоходки и баржи с буксирами везли хлеб, лес, машины. Пассажирские теплоходы начинали рейс к Москве и Ленинграду. Ревели рыбацкие моторки и спортивные скутера. Плыли яхты. Байдарки. Каноэ.

Мне показалось, что сейчас за шумом моторов вряд ли был бы слышен церковный звон, если даже ударили во все колокола.

— Так уж случилось, что реку в первую очередь рассматривают как транспортную артерию. Поэтому первая забота — о нуждах речников. Затем — энергетиков. Сельское хозяйство стоит на третьем месте. А уж на последнем среди всех пользователей реки — мы, рыбники.

Это говорит Михаил Константинович Спичак, директор Азовского научно-исследовательского института рыбного хозяйства. И спрашивает:

— Вы были когда-нибудь на плотине Цимлянской ГЭС?

Да, я бывал там не раз. Сначала поражаешься изящной плотиной, которая, подперев реку, образовала в выжженной степи бескрайнее море. Потом — кораблями, которые пришли сюда с самой Балтики. Однако и к этому быстро привыкаешь. Не можешь привыкнуть только к стаям огромных рыбин, что ходят кругами у нижнего бьефа, будто ищут щель в недолимой бетонной преграде, которая стала на их пути к нерестилищам. Рыбам невдомек, что плотина сработана на совесть и дороги вверх по Дону нет. Но если некоторым и повезет оказаться в Цимлянском море, на обратном пути в низовья Дона они попадают под неумолимые лопасти турбин, и рыбы тела плывут вниз по реке — молчаливый укор человеческой технике.

Этим немногим перебраться через плотину вверх по течению помогают люди. Выловленных у нижнего бьефа осетров и белуг помещают в притопленные лодки со щелями в днище. В таких плавучих садках с проточной донской водой их везут через систему шлюзов в море и там выпускают. Но много ль перевозишь?

— Беда не только в том, что плотина отрезала дорогу к нерестилищам осетрам и белугам. Она зарегулировала сток. Собранный в весеннее половодье вода

экономно подается через турбины в реки и потому в течение всей навигации поддерживается в Дону необходимый для судоходства уровень. Последний раз река разливалась в низовьях после особо снежных зим 1963 и 1964 годов, вода затопила заливные луга правобережья и создала благоприятные условия для нереста судаку, лещу, сазану, тарани, донской селедке. Прежде такие разливы случались часто.

— Выходит, слава рыбной реки потеряна Доном окончательно и навечно? — подвожу я итог рассказу Спичака.

— Совсем нет. Поезжайте в Рогожкино или в Багаевскую. Там уже сегодня увидите то, что завтра станет основой рыбодоводства всего Азовского бассейна.

Рогожкино — село, стоящее на одном из рукавов Дона, в самом его устье. Широкий канал, по виду обычный донской ерик — километра в три длиной, ведет к осетрово-рыбоводному заводу и нерестово-выростному хозяйству. Создали их еще в 1952 году, в год окончания строительства Цимлянской ГЭС. Они в известной степени заменили естественные нерестилища, отрезанные плотиной. Это первые из целой серии хозяйств, которые уже построены и еще будут строиться на Дону. Двадцать лет эксплуатации доказа-

ли эффективность разведения ценных пород рыб на таких заводах, хотя дело это хлопотное и нелегкое. Оплодотворенная икра осетровых развивается в специальных аппаратах, где создаются условия, близкие к природным. Когда из икры выклюнутся личинки, их переводят в круглые бетонные бассейны с проточной водой. Обилие корма, для этого в хозяйстве выращивают червя олигохету, позволяет малькам быстро развиваться. Месяца через два это уже настоящие осетры, только сантиметром 4—5 величиной. Они настолько самостоятельны, что их можно пускать на волю. По каналу мальки плывут в один из рукавов Дона, а оттуда скатываются в Таганрогский залив.

Два с половиной миллиона осетровой молодежи выпускает в год Рогожинский завод. Около восьми миллионов судака и около сорока миллионов леща. Если же посчитать молодь, которую выпускают все донские рыболовные хозяйства, то цифра перевалит за четыреста миллионов.

Но дело не только в количестве. Ученые провели интересные эксперименты по выведению новой породы осетровых — бестера. Бестер — гибрид белуги и стерляди. От белуги-матери он унаследовал размеры. От стерляди-отца — приверженность к пресной воде. Оказалось, бестером можно «засевать» водохранилища, охладительные бассейны при тепловых электростанциях, пруды. Затраты на корм с лихвой окупаются.

Из Рогожинки я возвращался в Ростов с автоцистерной «Живая рыба». Она пришла километров за 250 из колхоза «Путь к коммунизму» Краснодарского края. Колхоз разбогател на выращенных в прудах зеркальных карпах и толстолобике. Теперь он решил попытаться счастья с бестером, слава о котором давно перешагнула пределы Ростовской области. Приезжают за ним с Украины, Прибалтики, из других областей России. А сейчас первая партия в 10 тысяч покрытых шипиками мальков отправлялась к южным соседям.

Наша автоцистерна катилась по плоской, словно стол, дельте Дона. Эти низменные земли местами распаханы, местами превращены в пастбища. И только против самого Ростова, там, где нас отделял от города рукав Мертвого Донца, дорога заметалась среди квадратных прудов колхоза «Путь к коммунизму». Величественные серые и белые цапли замерли по колесу в воде, высматривая добычу, и никак не реагировали на проезжавшую в пяти метрах автомашину.

Рыбу разводят в прудах. Она так привывает к человеку, что по утрам тучей приплывает к местам кормежки. А толстолобик — так те даже выпрыгивают из воды

рядом с лодкой, на которой подвозят корм. Очень интересное зрелище.

Но как ни прекрасны завезенные сюда с Дальнего Востока белый амур и толстолобик, как ни великолепны бестеры, древняя слава Дона все-таки держится на осетрах и белуге, рбце и тарани, судаке и чехони, сазане и жерехе. Неужто придется с ними распрощаться? И снова я иду к ученым в АЗНИИРХ.

— Мы упустили много времени, — говорит М. К. Спичак, — поначалу не было опыта, не хватало средств. И главное: мы не представляли, к каким пагубным для рыбы последствиям может привести неумелое хозяйствование человека на реке. Теперь мы это видим. Теперь мы знаем, как помочь рыбе.

Нет, ученые не предлагают запретить речной транспорт, строительство плотин, забор воды для промышленных, сельскохозяйственных и бытовых нужд. Они предлагают решать все проблемы в комплексе, не забывая ни об одной из них и не принося одну в жертву другой.

Уже обсуждено и принято решение о строительстве плотины через Керченский пролив, которая приостановит засоление Азовского моря водами Черного, а потом поможет снизить его соленость до прежнего уровня. Это позволит молодежи выйти для нагула из пресного Таганрогского залива в море, как это бывало раньше. Увеличится число рыболовных заводов на Дону.

Сейчас планируется строительство на реке нескольких гидроузлов. Невысокие плотины поднимут уровень воды, что улучшит судоходство.

Опять судоходство?

Не только. Вдоль левобережья будут созданы специальные места для икромета. Весной, в половодье, залитые водой, они превратятся на несколько недель в прекрасные нерестилища. Подростки мальков спустят в Дон, а дальше они отправятся для нагула в Азовское море.

Такова схема. Но дело это непростое. Нужно время, средства, нужны опытные, увлеченные делом рыбоводы. Сейчас, по подсчетам института, в Азовском море четыре с половиной миллиона молодежи осетровых. Из них восемьдесят процентов — вся белуга, осетр, половина севрюги — выращены рыбоводами. Семьдесят процентов тарани, сорок — леща и двадцать — судака тоже выращены в искусственных условиях. Это только начало. Пройдет лет десять-двадцать — и Дон вернет себе славу рыбной реки, а Азовское море — самого урожайного рыбного моря.

Л. Плешаков
Фото автора

ОДИНОКИЕ СТРАННИКИ

Необычайна и сурова природа Антарктики. В центре ее, словно гигантский пологий холм, опоясанный Южным Полярным кругом, возвышается снежно-ледяной материк. Со всех сторон его окружает бескрайний океан. К югу от Полярного круга лежит безжизненная ледяная пустыня. Но в узкой прибрежной полосе, там, где из-под ледяного покрывала выглядывают краешки скалистого коренного ложа материка, появляется жизнь. Она настолько своеобразна и ни с чем не сравнима, что поражает воображение. За короткое, двухмесячное лето обращенные к солнцу склоны скал успевают покрыться густым ворсом желтых, зеленых, коричневых мхов и лишайников. Воды прибрежных озер расцветают радугой ярких водорослей. Но самое удивительное — это животный мир Антарктиды. Его развитие происходило в условиях чрезвычайно холодного климата. Максимум похолодания наступил примерно в середине четвертичного периода. И все это время Антарктида не имела сухопутной

связи с другими материками. Поэтому животный мир здесь так необычен.

Побережье Антарктиды населяют только птицы и ластоногие, других видов животных здесь нет. Зато по количеству с ними не могут соперничать обитатели средней полосы и даже тропиков. Многотысячные колонии пингинов, лежбища тюленей, котиков и морских слонов, шумные птичьи базары расположены не только на берегу, но и на самых крохотных островах.

Из-за сурового климата жизнь подчинена здесь жестоким правилам. Выживает лишь тот, кто строго подчиняется им. Из года в год, в одно и то же время, на одних и тех же местах, там, где есть хоть малюсенький клочок суши, свободный от снега и льда, строят свои гнезда и выводят птенцов птицы. Извечны места лежки тюленей, морских слонов и котиков. Море должно быть рядом, под боком. Оно единственный кормилец и поилец, и жизнь немислима без него. Но иногда по неизвестным причинам эти правила нарушаются.

Велико было удивление сотрудников советской антарктической внутриконтинентальной станции «Восток», когда однажды в небе появилась большая темная птица. Она летела с севера, выглядела очень усталой, часто садилась на снег, поджимая лапы. Птица была голодна и быстро уничтожила банку мясных консервов, предложенную полярниками. Однако близко к себе никого не подпускала. Это был большой антарктический поморник, обычно гнездящийся на побережье. Два дня привлекал он к себе внимание сотрудников станции, а затем исчез столь же внезапно, как и появился.

Поморник — прекрасный летун, его гнездовья зачастую бывают удалены на 200—300 километров от побережья. Но даже для него полет в тысячу девяти километров от побережья до станции «Восток» совершенно необычен. И в то же время — не исключение. В 1911 году Р. Амундсен и его товарищи во время своего беспрецедентного похода к Южному полюсу видели поморника, летящего в южном направлении в 700 километрах от ближайшего берега. Очевидно, эти птицы иногда совершают почти трансантарктические перелеты, хотя причины, их вызывающие, пока неясны.

Известно, что пингвин — нелетающая птица, да и на суше передвигается не так уж стремительно. Но и эти увалы не избежали пристрастия к путешествиям.

Несколько лет назад американская экспедиция обнаружила следы пингвина Адели в центральной части Западной Антарктиды, в горах Элсуэрта, за 400 километров от побережья моря Амундсена. Оставленная им цепочка следов указывала путь. Кажется, будто пингвин-путешественник стремился пересечь материк от моря Амундсена до моря Уэдделла. А ведь именно в этом направлении идет скрытая подо льдом долина, лежащая между двумя морями. Возможно, некогда, в более благоприятных климатических условиях, здесь проходила пингвиный троп, по которой далекие прапрадедушки нашего аделийца разгуливали по континенту от берега до берега. Не сохранилась ли в мозгу их потомка крохотная частичка информации о том благодатном времени?

Об одном из таких пингвинов-землепроходцев пишет известный полярный геолог П. С. Воронов: «В один из солнечных дней февраля 1959 года на Земле Королевы Мод, у подножия горного массива Вольтат, увязая в сугробах свежевыпавшего снега, я направлялся в очередной геологический маршрут. И вдруг на снежной целине мой путь пересекла длинная борозда, окаймленная по бокам отчетливо выраженными следами от ударов ластов. Столь характерные следы не оставляли сомнения, что совсем недавно здесь по рыхламу снегу прополз

на брюхе пингвин. Это не было бы удивительным, если не принимать во внимание, что горный барьер Земли Королевы Мод удален на 130 километров от берега, а пингвины населяют только узкую береговую полосу».

По сравнению с пингвинами Адели императорские пингвины настоящие тихоходы, и тем не менее во время санно-гусеничного похода со станции «Лазарев» в глубь континента мы встретили одного из любителей дальних прогулок в 50 километрах от берега. «Император» важно следовал, все дальше уходя от побережья.

Что побудило одиноких странников отправиться в столь рискованное путешествие? Одной из возможных причин, считают ученые, может быть внезапная потеря ориентации, вызванная физиологическими нарушениями функций организма или магнитными бурями. Так ли это? Ведь в пользу великолепной способности пингвинов к ориентации имеется много неоспоримых доказательств.

Американский ученый-биолог Ричард Пенн в течение нескольких лет изучал поведение пингвинов Адели. Он проводил эксперименты на австралийской научной станции Уилкс. В декабре 1959 года из гнездовой колонии, расположенной близ станции Уилкс, взяли пять окольцованных пингвинов, доставили их на американскую станцию Мак-Мердо и выпустили. В начале ноября 1960 года вернулись на старье гнезда два пингвина с разницей во времени в двое суток. А несколько позже появились и третий. Это позволило сделать вывод, что пингвины совершали путешествие порознь и прошли вдоль берега около 4 тысяч километров. Средняя скорость их передвижения составила 15 километров в час.

В январе 1966 года в южной части острова Фулмар советские биологи увидели пингвина, на лапе которого красовалось кольцо, укрепленное Вашингтонским бюро кольцевания. Послали запрос. Доктор Ричард Пенн ответил, что пингвин, найденный советскими учеными, вместе с сорока своими сородичами был пойман на острове Фулмар американскими биологами в июле 1964 года и перевезен на шельфовый ледник Росса, окольцован и выпущен на свободу, чтобы выявить навигационные способности этих животных. Советские ученые обнаружили странника во время выкармливания птенца. Поэтому появление пингвинов в родной колонии можно отнести к началу ноября 1965 года. А это означает, что расстояние свыше 4500 километров вдоль кромки ледяного припая от места кольцевания до своего «дома» он преодолел всего лишь за 11—12 месяцев, проходя в среднем по 13 километров в сутки.

Возникает вопрос: каким образом пингвины ориентируются на местности, как они узнают, в каком направлении следует им идти?

Сотрудники Висконсинского университета проделали еще один эксперимент с пингвинами Адели на мысе Крозье в Западной Антарктиде. Привезенных оттуда двадцать пингвинов выпускали в трех различных пунктах: в центре шельфового ледника Росса, на плато Земли Викторин и на плато Земли Мэри Берд. Их передвижения изучали с помощью высокоточных геодезических методов на протяжении 3—4 километров. Оказалось, все пингвины придерживались прямого направления, выбирали путь, шедший параллельно меридиану мыса Крозье, с которого они были вывезены. Птицы находили путь, даже когда шли на расстоянии более чем за тысячу километров от берега. Если солнце было скрыто за облаками, пингвины ориентировались хуже. Значит, солнце необходимо пингвинам при прокладке курса. И не только солнце. Очевидно, пингвины учитывали и вращение Земли, иначе они двинулись бы по кривой линии. Американские ученые пришли к выводу, что в организме пингвина имеются «физиологические часы», позволяющие ему выбрать единственно правильное направление.

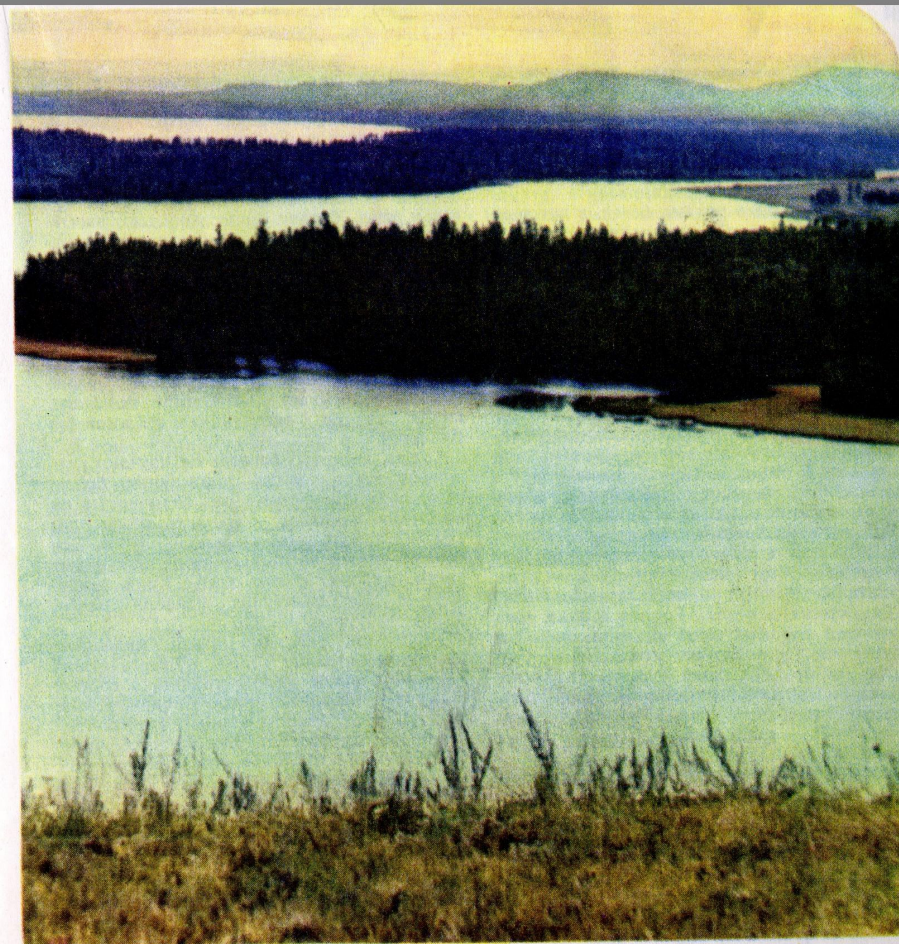
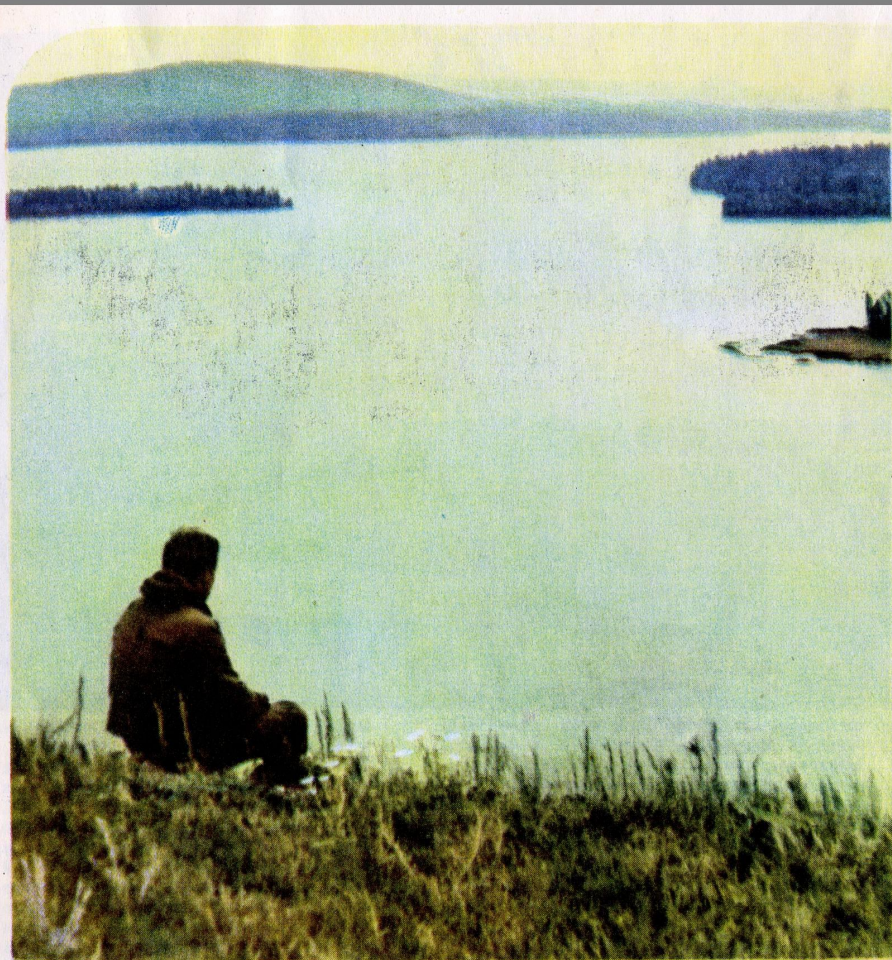
Итак, навигационным способностям пингвинов остается лишь позавидовать. Но интересны и другие факты.

Молодой тюлененок, оставшийся без матери, был обнаружен сотрудниками станции «Молодежная» в девяти километрах от берега. Попытались прогнать его домой, но он упорно продолжал свой путь. Даже после того, как его доставили к месту лежки тюленей, он снова направился на юг.

12 декабря 1966 года с вертолета на Земле Мэри Берд экипаж заметил тюленя в 150 километрах от берега. Пришлось сесть на лед. После ожесточенной схватки четверем членам с трудом удалось поймать животное. Им оказался молодой трехмесячный тюлень-крабод. Его переправили на американскую научную базу, накормили рыбой, снова по воздуху перевезли на станцию Мак-Мердо и выпустили на лед. Следует учесть, что тюлень передвигается медленнее пингвина, и преодолеть расстояние более сотни километров по суше для него настоящий подвиг.

Останки отошавших, обессиленных тюленей не раз находили в глубине материка. Так, проводя геологические исследования в южной части Земли Викторин, американские ученые обнаружили в сухих долинах

(Окончание см. на стр. 34)

СМОЛИСТЫЕ СТРУГИ ТОДЖИ

Фото В. Опалина

Лодка длинная, дощатая, накрепко, грубо сколоченная из еловых выгнутых досок. Насквозь пробитая частой щетиной загнутых, стертых до блеска гвоздей. Конопаченая и смоленая. Костяная, ребристая, в частых твердых шпангоутах, как узкая щука. Быстрая, верткая и устойчивая,

приспособленная к бегу по бешеной енисейской воде, несущей остатки льдов, вывороченные с корнем лиственницы. Лодка придумана и построена на берегах могучей воды, в горах и предгорьях, древними землепроходцами, завещавшими ее нам, без чертежей и рисунков, от ладьи

к ладье, ударами топоров, звоном пил, через множество поколений людей и лодок. Она и теперь все та же, хотя на корме драгоценно сияет компактный ревущий мотор, вгрызаясь в воду маленьким грозным винтом. На нос брошен небрежно брезентовый грубый мешок с ножом, буханкой, вяленой щукой, твердая рыбацкая роба в пятнах смолы и копоти. На длинном днище — грубо выкованный железный багор. Сак, оплетенный сетью. Изящный рукодельный черпак, выточенный из березы, с изогнутой ручкой, изгрызенный от частых ударов по днищу. Лодка пахнет распаренным деревом, тухлой рыбой, вся в высохшей чешуе. И эта дикая, хищная, узкая, как лезвие, лодка несет меня в мягкой дышащей синеве горного озера Азас, среди зеленых островов, бледных облач-

ных отражений, в легкой дымке, наброшенной на волнистые берега. Проблески взлетающих уток. Утренние осиянные горы — серебряный расходящийся треугольник, как крылья из-за спины рыбака, стиснувшего рукоятку мотора.

За деревушкой, у толкого берега, в оранжевых свежих жарках, спущены в воду тенета. Рыбак, подцепив багром веревку, станет доставать из сетей огромных вялых язей, отекающих водой и слизью, с растопыренными красными перьями. Кинет в лодку. И рыбина, золотая, горячая, зажжется, задышит сочными жабрами, маленьким ртом.

Проплываем крохотную рыбацью деревушку, избенки из красноватой лиственницы, переложенной мхом. Лодки, как черные вороны перья, лежат на мелкой воде, по-

ложив носы на зелень луга. У порогов — подвешенные над кострищами почернелые ведра, котлы. Разбросаны рыбы кости и потроха. Сытые остромордые лайки вьются у самой воды. А ночью лежат под луной у стен, свернувшись, голубовато-белые и искристые, как глыбы льда.

Рыбный склад с рядами бочек, в которых забита рыба, пойманная накануне. На плоский зеленый луг с треском и ревом садятся двукрылые самолеты. Летчики, засучив рукава, помогают рыбакам закатывать в обшарпанные фюзеляжи тяжелые бочки. Пересмеиваются, гремя на ходу смуглого, копченого окуня. Самолеты, полные озерного груза, взмывают и уходят за круглую гору, за далекие мерцающие ледники, где раскаленная тувинская степь в рыжих языках жара. И снова тихо у прохладного озера. Рыбаки отдыхают до вечера, когда идти и забрасывать тяжелые невода. Только вдруг, пугая собак, пронесутся всадники на гладких тонконогих конях. Мальчишки из соседней тувинской деревни прогарцуют, заглядывая в стекла домов узкими глазами, сидя по двое, без седла. Мелькнет в руке мальчишки оранжевый раскаленный жарок. Деревушка исчезла. Гора с голым выжженным склоном, гребнем чуть видимых лиственниц. У подножия к воде густо нависли березы, мелькают белыми струйками веток. И там, у берез, — движение. Что-то краснеет, плещет, большое, живое.

— Стой! — кричу рыбаку.

— Да вижу!

У берега, уйдя по грудь в озеро, топчутся и шевелятся три огромных, красночерных лося, колышут могучими головами, двигают мохнатыми лепестками ушей, раздувают мягкие тревожные ноздри. Я чувствую под водой дыхание их боков. Вода омывает хлопающие, залезанные до блеска спины.

По берегу вьются, хрипло лают собаки. Надрываются, высовывая клыкастые слюнявые пасти, яркие зубы, влажные языки. Не решаются кинуться в воду, обжигаются об нее и отскакивают.

— Наши мохначи, — говорит рыбак. — Шастали по тайге и загнали сохатых в озеро.

Лося смотрят на собак и на нас, переступают по дну невидимыми ногами. Я чувствую острую связь через воду, качающуюся лодку, с огромными таежными животными, с их горячими под водой телами, бием огромных сердец, напряженным движением мышц. Глаза их как темные глыбки стекла.

— Подойди-ка поближе! — прошу рыбака.

На малых оборотах идем к лосям. Нос лодки темнеет на фоне красноватых, похожих на гигантские цветы голов. Лося

отталкиваются ото дна, отрываются и, поворачиваясь, нагоняя светлый бурун, плывут один за другим, как киты, правя на ближний остров. Солнце стекленеет у них на загривках. Горы синеют шатрами. И хочется смотреть бесконечно, как выбираются они на остров, полный кукушек, и, распутивая уток, бредут по мелководью, рассыпая вокруг мгновенные прозрачные радуги.

Тоджа, тувинский край, отсеченный от долин цепями хребтов. Лишь зимой по замерзшей воде Енисея движутся колонны тракторов и машин, подымаясь в задебранный угол Саян, завозя продовольствие и горючее. А летом воздушный мост, непрерывный поток маленьких двукрылых бипланов, перебрасывает в Тоджу запчасти, книги, газеты, экспедиции геологов и биологов.

Тоджа несметно богата. Ее изучают, начинают брать хорошо упрятанные богатства: руду, вековечный лес, знаменитую на весь мир пушнину. Уже есть планы постройки сквозь горы железной дороги. Все больше людей прибывает сюда. Начинают расти совхозы, сеется хлеб. Край разбужен, и растревожненная природа разбегается табунами козюль.

Тоора-Хем, районный центр, маленькая деревянная столица Тоджи, с бревенчатыми домиками, какие можно увидеть в горных преречных поселках Урала, Сибири. Дощатые тротуары, зеленые улицы с пасущимися коровами. Десяток лязгающих гусеницами трелевочников проходит, сверкая смазкой, на новый лесозащосток. Алый пожарный вертолет в блеске винтов нависнет на секунду над крышами, сядет на зеленый аэродром.

Человек и природа — об этом говорит сейчас мир. Возможно ли привести в равновесие эти две силы, противоборствующие пока на Земле? Окончится ли покорение человеком природы ее полным разрушением и как тогда ощутит себя человек в этом разрушенном, поверженном организме земной природы? Или удастся установить гибкие, гармонические связи между бурно растущей цивилизацией, раскидывающей по планете сеть своих дорог и коммуникаций, россыпи городов и поселков, рудников и заводов, и этим вековечным сокровенным миром трав, зверей, облаков?

Ученые считают, что такой союз не только возможен, но и обязателен. Уже есть примеры сочетания мощной сверхиндустрии с природной средой. На Мангышлаке в Шевченко я видел, как прекрасный город дал жизнь и движение застывшей, омертвевшей пустыне, напоил ее искусственно опресненной водой, занес зеленый покров. Там цивилизация вошла в гармонический комплекс с природой, пронизала ее, не разрушив, соединилась с ней в целое.

Заповедники — еще одна форма соседства мощной человеческой деятельности и природы. Рядом с машинами, электричеством, скоростями сохраняются неприкосновенно тысячелетние связи неба, земли, воды, миллионов жизней.

Много заповедников в нашей стране. И число их продолжает расти. Тоджа, край непуганого зверья, испытывающий на себе нарастающее давление человека, Тоджа внесена сейчас в список готовых к открытию заповедников. На озерах и островах, на задебранных склонах начнут строить кордоны егерьей, лесников. Все: медведи, камни, бабочки — берется здесь под охрану. Ибо природа — наше великое достояние и сокровище, и мы будем его беречь.

Я живу у рыбаков в горной Тодже, у туманного озера Азас, золотого в полнолуние. Собираю цветы в гербарий, перекладывая листы газет ослепительными таежными соцветиями. И пальцы мои, желтоватые от пыльцы, тонко пахнут исчезающими травяными ароматами.

Или брожу с сачком по буграм и увалам, перед исчезающим и возникающим озером, ловлю бабочек, собираю на цветах и листьях азиатских жуков.

Днем — когда мокрые роботы высыхают на жарком солнце, и далекие белки голубеют, как облака, и до лова еще полдня — слушаю ленивые рассказы рыбаков, бесконечные, чем-то похожие — неторопливой своей интонацией, выражением загорелых, чуть усмехающихся лиц: верь или не верь, такое дело, а наше дело рассказывать. И их разговоры — про змей, переплывающих залив, про то, как сунули к ним весло и одна обвилась вокруг и метнулась в лодку, скользнула по борту, как горящий ручей, и снова плюхнулась в озеро; так и уплыла, выставив маленькую голову. И про то, как поймали на блесну небывалого, в рост человека, тайменя, водили его, утомляли, потом рыбак кинулся ему на спину, и таймень, очнувшись, понес его на себе, и человек сидел на рыбе верхом, в пене, плеске могучего хвоста, как на водяном иноходе. Про медведей, выходящих семьями лакомиться сладкой голубикой. Про маралов, ревущих в осенних огненных лиственницах, про козлов, перескакивающих через каменные откосы.

И солнце катится за бечеву, на которой вялятся гирилянды окуней и сорожек. Близит вечер, а с ним — время лова.

Кто они, люди, населяющие сегодня Тоджу? Я познакомился с директором школы Василием Думедеевичем Шогжалом, одним из ревнителей готовящегося заповедника. Он сам водит школьников по тайге. Они наблюдают, нет ли вредителей, огоражи-

вают муравейники, следят за сохранностью леса. В их школьном музее рядом с гербариями хранится пропеллер самолета, подаренный летчиками, — символ единения техники и природы.

На каменных енисейских кручах в часы заката, в красных косых лучах, возникают силуэты рыб, зверей и охотников — на скальные изображения древности. Тысячи лет назад уходили в тайгу люди на промысел. И теперь вертолеты забрасывают в чащу промысловиков-звероловов, и они несколько месяцев на заимках бьют красного колонка и белку, ловят капканами серебристого соболя. По рации сообщают о ходе промысла, о состоянии своего здоровья.

Я видел людей, влюбленных в Тоджу, в ее раздолье, красу. Иные родились здесь, иные приехали и навсегда породнились с ней. Геннадий Гребенкин, отличный шофер и сварщик, синоптик, моторист, мастер на все руки, проплывший на сейнере все дальневосточные моря до Аляски, с электросварочным своим аппаратом прошедший весь Красноярский край, гонявший свой самосвал по всему Казахстану, перевозя хлеб и руду, — он приехал случайно в Тоджу и решил навсегда здесь остаться, покоренный ее озерами, ее зорями над ледниками.

Лесорубы, сплавщики, летчики, они влюблены в свою Тоджу, преобладают ее по законам разума и красоты.

Иду по утренней, свежезеленой тайге. Лиственницы мохнатые, переполненные смоляным влажным соком. Пестрота цветов. Птичьих свисты.

На открытых полянах мощными редкими купами, распутив расщепленные листья, вырос дикий таежный пион — Марьян корень. Выставил твердый зеленый бутон, напряженный и плотный. Кое-где раскололась зеленая чешуя, глянул малиновый уголь свернутого в узел цветка. Такой в нем напор и сила, что, кажется, тронь — и взорвется под рукой, брызнет красной струей.

Я иду распутившийся цветок для гербария, обхожу солнцепеки. Но цветка еще нет, лишь краснеют бутоны. Муравьи застыли на них, опыляв от сладкого сока.

Выхожу к Енисею на горячую открытую кручу. Откос с каменным оползем. У воды деревья. Внизу и вдаль — могучий, бесконечный разлив стиснутой горами реки, ртутный блеск солнечных огромных проток, омывающих острова. Дали за даями, синие, зеленые, мохнатые таежные дебри без дымка, без следа человека. Дивная, прекрасная Тоджа с далекими хрустальными хребтов!

Александр Проханов

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинков
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

Иван БУНИН

Старичок-снеговичок

Долго я шел в одиночестве сумрачным еловым лесом. И так это одиночество овладело мной, что я стал бояться звука собственных шагов. А тут вдруг вышел я на небольшую заснеженную полянку с березовой негустой молодой. Вскинул глаза и увидел: пень в человеческий рост высоты. В белой снежной папахе. Чуть пониже папахи сучок недлинный виднеется, словно трубочка изо рта торчит.

Дунет ветерок, с папахи пушистый снежок сероватым дымком закурится, точь-в-точь трубочка резная попыхивает.

На месте глаз дятел отверстия глубокие выдолбил. Под сучочком-трубочкой лишайник волосистый седой бородкой топорщится.

Стоит себе Старичок-Снеговичок. Озирает полянку лесную. Заяц ли пробежит — поклонится. Лиса ли пройдет — поприветствует. А царю зверей — лосю — седой бородкой помашет вежливо.

Гляжу я на этот сказочный пень в лесу и думаю: «Нет, нужный он, этот Снеговичок, в лесу. Свой. Не зря век живет!»

И стало мне вдруг весело. Одиночество мое вмиг рассялось, будто я с человеком повстречался.

Фото Р. Воронова
и В. Гуменюка

В ущелье

Снега глубоки. Ольховый лог февральскими метелями сровнял с берегами. Стоят по пояс в голубом сверкающем снегу серые ольхи. Звенят пересохшими на зимнем морозе коричневато-фиолетовыми сережками.

Деревья спят.

Не дремлет только живой ручей в Ольховом логу. Он словно чувствует близость весны. Проточил теплыми струями саженный слой снега. Растопил осыпавшиеся глыбы его своим дыханием. Образовал в логу снежное ущелье. Узкое. Загадочное. Причудливое.

Вьюги над водой наделали лелные беломраморные карнизы. Ночные морозы — прочные ледяные заборы. Но только заборы. Середина ручья струится. Дышит. Течет.

След матерого русака привел меня к снежному ущелью. Привел и пропал. Заяц словно в воду канул. Любопытно. Ведь не утопился же косоглазый от горькой жизни!

Внимательно осматриваю ущелье. От нетерпения возбужденно топчусь над самым урезом ручья. Осыпаю лыжами нависшие карнизы. Склонившись, заглядываю в синий сумрак снежного лабиринта и неожиданно, как от взрыва снаряда, падаю навзничь: прямо перед моим носом, из-под снежного карниза, белой ракетой стремительно взмыл высоко в воздух потревоженный мною русак и опрометью бросился наутек.

А. Рыков

Черные жаворонки

Мелкий снег едва припорошил землю. Всюду в степи торчали стебельки полевки. Овцы паслись, разгребая снег, — полевка до весны не теряет питательные свойства.

Отара медленно брела по степи. Стайка черных жаворонков перепархивала у ног овец. Они находили какие-то семена там, где снег был сбит копытцами овец. Эти птички ближайшие родственники обыкновенных жаворонков. Они выводятся в Центральном Казахстане, а часть их на зиму улетает на его север, навстречу перелетным птицам. Там они черными точками усеивают заросли полыни над снегом, и кажется, что это сидят скворцы.

Но сегодня с полудня черные жаворонки вдруг с беспокойным писком заметались над овцами. Они то садились, то взлетали, и поведение птичек говорило о сильном волнении.

— Гони овец на базу ночевать! — крикнул старик чабан помощникам.

— Почему, ата? Еще до вечера далеко! — удивился один из молодых чабанов.

— Буран скоро начнется: видишь, кара-тургай беспокоится, — ответил старик. — Айда, заворачивай овец!

Овец погнали. А небо стало быстро заволакиваться тучами. Они все ниже опускались над степью. Начался ветер. Едва овцы успели войти в ворота базы, как повалил снег и начался сильнейший буран. Задержись овцы в степи — и не миновать бы большой беды. Черные жаворонки вовремя предупредили о буряне. А сами заронятся в снег и будут пережидать ненастье.

М. Зверев

Иглопад

Когда отдут последние февральские метели, иссякнут снегопады, когда солнце заиграет на хрупкой, ослепительно белой корочке снежного наста, в лесу наступает оглушительная тишина. Зимний покой лишь изредка нарушает стрекотание длиннохвостой сороки, да где-то шумно сорвется с ветки снежный нарост, точно кто-то вздохнул облегченно. И все.

Нет лучшего времени для лесной прогулки, чем это. Накатанная лыжня блестит на солнце, как пластмассовая. Идти легко, лыжи сами бегут.

В такие-то дни и заметно в лесу, что под елками будто кто снег обмусорил, будто кто пылью припорошил. Но откуда в зимнем лесу мусор? Пыль откуда?

И только когда подойдешь поближе, поймешь, что насорила сама елка. Мы ее привыкли вечнозеленой величать. Дескать, и зимой и летом все одним цветом. Точно так. Цвет всегда один — зеленый, сочный. Но откуда тогда в хвойных лесах мягкая коричневая перина под ногами? Не самосвалами же ее туда возят! Да и вот этот мусор на снегу. Откуда?

Значит, сбрасывает елка свои иголки, меняет хвою. Но только не разом, как лиственные деревья осенью, а постепенно. Сегодня с этой веточки упало несколько иголочек, завтра с той, и так каждый день. В другое время года и незаметно это опадание. Летом на земле хвоинки и не разглядеть, осенью все ярким листом покрыто, зимой — снегом припорошено. Только вот в конце февраля и заметно, что у елок хвоя осыпается. Так я и зову это время — иглопад.

Ю. Калинин

СОСНА ШУМИТ СО СНА

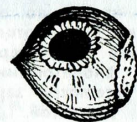
- * Сосна — дубу сестра.
- * Нет дерева выше сосны.
- * Где сосна выросла, там она и красна.
- * Далеко сосна стоит, а своему лесу шумит.
- * Всякая сосна своему бору весть подает.
- * Где сосна выросла, там и в дело пошла.
- * Сосна кормит, липа обувает.
- * Что ни толкуй, а сосновый лес крепче елового.
- * Не все сосны в лесу корабельные.

АЗБУКА НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

- * Малая сосна в сук растет.
- * На нагнутую сосну и коза вскочит.
- * Урожай на сосновые шишки — урожай на ячмень.
- * Все капралы поскидали кафтаны, а один капрал не скинул кафтан. (Сосна.)
- * Семьдесят семь полков, все повалились, а три остались. (Сосна, ель и вереск зимой.)

ЖДЕМ ОТВЕТА, К СЛЕДОПЫТ!

КТО ПОГРЫЗ ОРЕХИ?

КТО ТУТ ОХОТИЛСЯ?

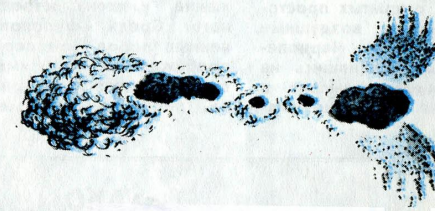
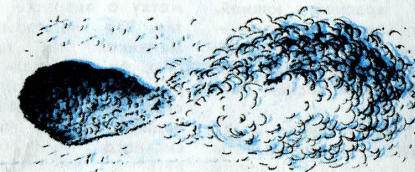

Рис. И. Кошкарева

Обнаружили на снегу следы, явно кто-то из собачьего семейства. Как определить, кому они принадлежат: лисе или мелкой собаке, волку или крупной собаке?

На снегу лежит задушенная землеройка-бурозубка. Кто мог ее задавить и почему не съел?

На ветвях поваленной осины погрызы коры. Как по следам на осине определить, кто грыз осину?

Как отличить на снегу следы белки от следов зайца-беляка?

Для чего вороны и галки, зимующие в средней полосе СССР, в холодные дни часто собираются стаями на льду местных водоемов и сидят на нем неподвижно?

У горных незамерзающих рек, у полыней часто держится темная птичка величинной со скворца. Она смело ныряет в холодную воду и через некоторое время выскакивает на лед... сухой. Что это за птичка и почему вода не пристает к ее оперению?

На сломанной ветке куста вы нашли наколотую на нее тушку полевки. Кто это сделал?

Февраль — перелом зимы. Подолгу в зените стоит немеркнувшее солнце, разливая на заснеженные просторы яркий, с теплинкой свет. Заголубели снега: в их толще отражена лазурь распахнутого настежь неба. В теплые дни восходящие потоки влажного воздуха выкладывают первые кучевые облака, пропавшие с глубокой осени. На красной, южной, стороне капель заладила — стучится в крупитчатый снег, лужи разводит. Февральский снег весной пахнет!

В среднерусских лесах начинаются первые вылеты клестят из гнезда. Повсюду слышны веселые песни пищух, больших синиц и овсянок. На открытых просторах полей — воздушные игры воронов. Черноперебые птицы, разбившись на пары, взмывают высоко в поднебесье и, покружив-

шись, снижаются. Это и есть смотрины пернатых. Определившись, пара воронов уже на склоне зимы принимается за устройство гнезда.

Раздается барабанная дробь дятла. Заметьте, эта дробь значительно отличается от зимней: она звучит призывно, нетерпеливо. Раздаваясь, молодцеватая дробь дятла как бы предупреждает: на расстоянии звука ток занят.

Февраль — свадебник и в мире четвероногих. Разбиваются на пары волки — серые стаи распадаются, старые звери ходят отдельно от молодых. Каждая особь на снегу оставляет «визитную карточку» — метку о возрасте и развитии. Кто из серых соплеменников ни пробегит, всяк ее «прочтет» с интересом. Только уж больно строг закон клыков, не попадайся слабый на дороге сильного — несдобровать!

К концу февраля фенологи наблюдают сокодвижение у клена остролистного. Среди широколиственных пород он первым пробуждается от зимнего сна, особенно когда растет на прогреваемом месте.

Ведь на солнышке уж: теплинка заронится в темную кору, тепло и есть тот сигнал к пробудке, на который так спешно отзывается все живое в природе. Отметьте в дневнике появившиеся затаин у комлей деревьев, продолжительность оттепелей и наиболее низкие температуры воздуха.

На южном побережье Черного моря властвует весна. Столбик термометра днем подскакивает до двадцати градусов! Заморозки бывают лишь ночью. Цветут акации, цикламены и галантусы. В Батами обрядились в лепестки камелии, средиземноморская калина, вероники.

Еще жарче в Средней Азии. Песчаные пустыни похожи на цветущие степи. Торопится зеленый мир справить праздник свежей зелени в короткий благоприятный период. Осоки, мятлики, лютики спешно разрастаются сплошным ковром, чтобы до засухи развиться и отцвести. В Душанбе пылят сережки лещины, фиолетовыми косянками стелются заросли фиалки душистой. Занимается цвести миндаль.

А. Стрижев

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Как легко летом отличить рябину от клена, дуб от липы, тополь от бузины... Порой по каким-то неуловимым признакам еще издали мы узнаем нецветущую сирень или черемуху, орешник, бересклет. Попробуйте узнать эти растения зимой, в лесу или в парке среди голых веток, торчащих со всех сторон и очень похожих одна на другую. Незнакомкой покажется даже молоденькая березка с тонким, еще темным стволиком. Но если мы посмотрим внимательно — зимний лес не будет молчаливым и откроет для нас еще много нового.

Как отличаются ветки разных деревьев и кустарников? Да и что на них, голых, можно увидеть? На ветках есть почки, а под почками — листовые следы с маленькими точками на них. Листовой след — место, где сидел лист, а точки на нем — места выхода проводящих пучков, по ним из стебля в лист шли питательные вещества. Почка — укороченный побег, в котором на маленьком стебельке сидят зачатки листьев и цветов, укрытые защитными чешуями. Цветочные бутоны легко можно найти в крупных почках сирени, черемухи, бузины.

Цветы у растения — самое ценное, поэтому бутоны сидят в самой середине почки, укрытые всеми листочками. Смысл устройства почки достаточно понятен — дереву надо спрятать от мороза и ветра свои будущие побеги, поднятые на ветках высоко над землей. В ход идут самые разные приспособления — пушок снаружи и внутри покрывающих чешуек, склеивающие смолистые вещества, выделение воска, увеличение количества чешуй. Все эти приспособления помогают защищаться от излишнего испарения воды, ведь зимой дереву достать ее очень трудно.

Зимние ветки только на первый взгляд все серые или бурые, а поглядеть внимательнее — цвет у них разный. У бересклета — зеленый, у садовых спирей — красный или желтый, у черемухи — блестяще-коричневый, у рябины — беловато-серый,

у калины — желтоватый. Разной бывает и толщина веток: очень тонкие, длинные — у березы, особенно плакучей, очень толстые, чуть ли не в палец, — у маньчжурского ореха, каштана. Некоторые ветки имеют свои специфические признаки: ни с чем не спутать колючий шиповник, очень характерны узловатые ветки дуба с мелкими почками и корявые ветки яблонь с почками-плодушками на сморщенных ножках, горькие на вкус ветки черемухи, зеленые бородавчатые ветки бересклета, ивовые ветки с почками, покрытыми колпачком из двух сросшихся чешуек.

Разберитесь в зимних ветках — это вполне можно сделать за одну зиму, чтобы потом в любом незнакомом лесу легко узнать кусты и деревья.

К. Глазунова

ПЕРНАТЫЙ КОРОЛЬ

Среди тысячи обитателей небес никакая птица не поражает воображение человека больше, чем орел. Мощь и огромные размеры, гордая голова, грозный взгляд, стальные когти и великолепный плавный полет — словом, все в этой птице говорит о том, почему с самых древних времен орел вдохновлял на легенды и был воплощением силы, отваги, непобедимости и глубокой мудрости.

Беркут — самый знаменитый представитель рода орлов — населяет многие части земного шара: всю Европу, Азию до Камчатки, Северо-Западную Африку и большую часть Северной Америки. В Италии, где эта птица стала довольно редкой, ее можно встретить исключительно на самых высоких склонах альпийских и апеннинских вершин. В настоящее время беркут нашел для себя идеальное убежище на обширной территории самых высоких вершин Альп, возвышающихся над суровыми ледниками.

Эта птица весит от 2,8 до 4 килограммов. Словно золотистые бусинки, глубоко спрятанные в глазницах глаза беркута отыскивают добычу с невероятной высоты.

Мощные лапы беркута снабжены четырьмя пальцами с устрашающими когтями. Однажды, переживая в горной пещере снежный шквал, я увидел, как орел напал на ничего не подозревавшую лисицу: он в долю секунды впился одним из своих когтей в морду животного, а затем двумя ударами клюва и лапой прикончил его.

Сила беркута так велика, что он может поднять животных, вдвое тя-

желее самого себя, например ягненка и даже маленького барана или серну.

Излюбленная жертва беркутов в Альпах — сурки, но они нападают почти на всех средних и мелких представителей альпийской фауны: зайцев, кроликов, ласок, белок и даже змей.

Иногда орел поступает очень коварно. Как-то после полудня я смотрел в бинокль на горы и вдруг заметил двух беркутов, описывающих круги. Один из них был очень молодым, другой постарше: очевидно, мать или отец со своим питомцем. Поочередно птицы медленно кружили над одним и тем же местом, издавая хриплые крики. В тот же момент часовой колонии сурков дал сигнал тревоги, и вся группа укрылась в своих норах.

Не переставая издавать хриплые крики, птицы продолжали кружить, постепенно удаляясь. Тогда два нетерпеливых сурка высунули из нор свои морды, огляделись по сторонам и наконец вышли, чтобы попутаться на утесе в последних лучах заходящего солнца. В то же мгновение появился третий орел. Он летел быстро и низко. Сурки не успели опомниться, как хищник обрушился на них. Схватил в когти одного и взмыл в воздух, чтобы разделить трапезу с двумя другими своими братьями, ожидавшими неподалеку.

Пара беркутов живет вместе до смерти. Когда один из супругов умирает, переживший его покидает гнездо и устремляется к новым местам в поисках другого спутника жизни. Выбирает себе компаньона всегда

самка. Я выяснил это, когда пытался населить беркутами национальный парк Гранд Парадизо. В течение четырех лет ни один из орлов не устроил себе гнезда. Тогда мы решили оставить в парке несколько самок. К большому нашему разочарованию, все они улетели. Попытались выпустить нескольких самцов. К счастью, это нам удалось. Птицы остались, и каждый из орлов захватил определенный участок земли, собственную территорию для охоты.

Немного позже появились самки, они выбрали себе супругов, и птицы парами обосновались в парке.

Весной, каждые два или три года, среди одиноких вершин и крутых утесов у беркутов начинается свадебная церемония. Влюбленные пары устремляются выше границы деревьев. Они переворачиваются, описывают круги в воздушном ухаживании, которое иногда больше похоже на битву, чем на любовный обряд. В конце концов пары достигают полного согласия и энергично принимаются за дело, собирая веточки и ветки, чтобы переделать старое гнездо или, что случается реже, построить новое.

Орлица сносит в основном два яйца, иногда одно. Насиживает их тридцать — сорок пять дней. Пока орлята маленькие, мать редко покидает свое гнездо. В мае малыши покрываются редким белым пухом. В это время отец зорко несет караульную службу около гнезда. Спустя неделю после рождения каждый из малышей ежедневно нуждается в среднем в килограмме корма. Один из двух орлят всегда оказывается сильнее другого, и львиная доля корма и забот, в ущерб своему менее крепкому брату, достается ему. Бывает, сильнее даже пожирает слабого.

Беркут растет быстро. С каждым днем он становится все более сильным, бьет крыльями, готовясь к большому полету. Наконец он ста-

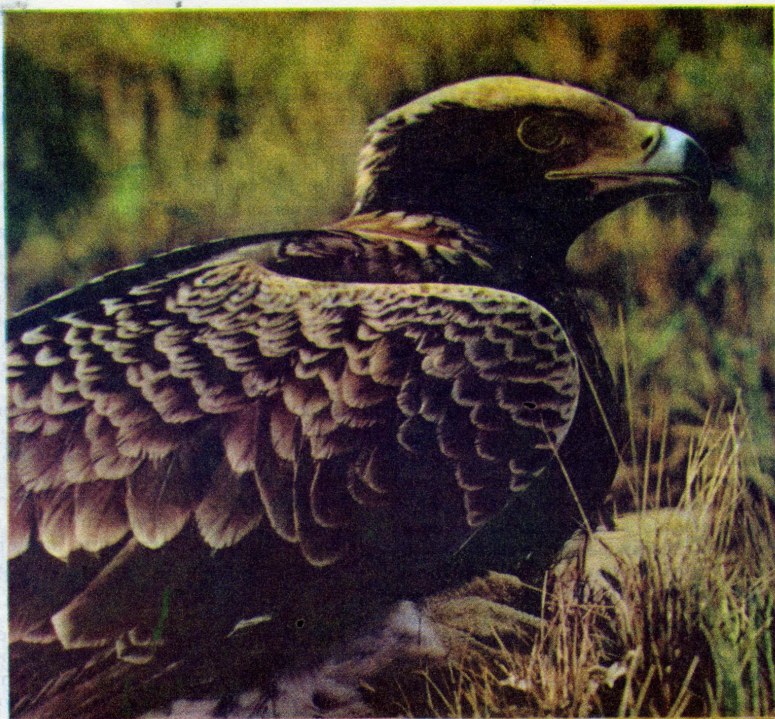
новится таким же большим, как и его родители, и тогда мать всеми силами пытается вытолкнуть его из гнезда.

И вот наступает великий день. Неловко, но твердо молодой орел, оттолкнувшись, отрывается от своего удобного насеста и взмывает в воздух. Как правило, первый полет кончается неудачей: птица падает и беспомощно бьет крыльями. Мать пытается помочь сыну. Однажды я видел, как орлица летела сотни метров с орленком на спине, помогая ему подняться в воздух.

В октябре орленок вместе с родителями сам догоняет и убивает свою добычу. Немного позже семья покидает молчаливые вершины, покрытые снегом, и селится ниже, в долинах, где зимой легче охотиться и найти корм. Весной же, когда начнется первое таяние снегов, орлы возвратятся к вершинам и горным утесам.

Уже с осени молодые беркуты ведут самостоятельную образ жизни. Вскоре они находят свободные участки, где водится много дичи, и становятся их владельцами. Они выбирают себе подругу и начинают строить гнездо. Обычно это бывает, когда беркуту исполняется пять лет. Он уже прожил четверть своего века, и его оперение изменило сероватобелую окраску на темно-коричневую, что характерно для птицы в расцвете сил.

Главный враг орла — человек. Он охотился на него, убивал, ловил, разрушал его гнезда, ему почти удалось уничтожить эту птицу. Во Франции, Италии и Испании орла считали вредной птицей и безжалостно убивали. Теперь же его взяли под защиту. И долины вновь оглашаются орлиными криками, и над ледниками и вершинами кружат в своем мрачном и торжественном полете беркуты.

Величественный — это определение очень подходит беркутам.

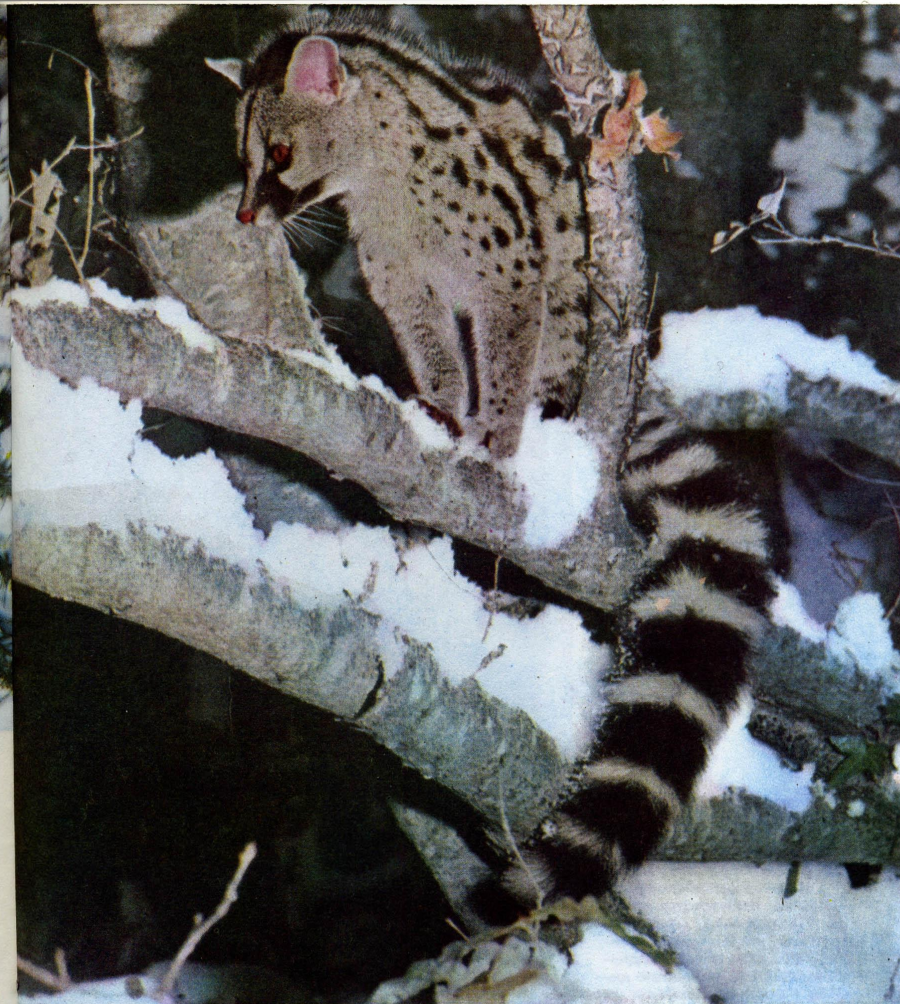
Черный орел — африканская птица. Гнездится он высоко в горах, в недоступных местах. Это огромная и сильная птица. Скользящим полетом, разбросив неподвижные крылья, орел облетает скалистые склоны гор. Внезапно появившись из-за скалы, он ловко схватывает свою жертву. Обычной пищей ему служит африканский зверек — даман. При случае черный орел может схватить небольшую антилопу или молодого бабуина.

Когда орел-самец подлетает к гнезду, чтобы сменить сидящую там самку, он приносит в клюве зеленую веточку. Зачем она? Как оказалось, птицы приступают к насиживанию, когда гнездо не полностью готово. Его надо еще достраивать. И вот, когда самец сменил самку, она заботливо встраивает в гнездо принесенную им ветку. Так постепенно гнездо растет все больше и больше и достигает почти метровой высоты.

Выведшиеся птенцы белые, потом у них появляются рябенькие перышки, и только к пяти годам их оперение становится таким, как у родителей.

Хищный и ловкий зверь куница. Зимой не спит, а рыскает по снегу, за сутки до 17 километров набегает. Ни одного дерева с беличьим гнездом не пропустит: до белок куница большая охотница. Часто прямо в гнезде их хватает. Ловит и зайцев, глухарей, рябчиков. Но хоть и хищный это зверь, а любит лакомиться рябиной, черникой, морошкой. Даже вишни, груши, сливы ест. Иногда и мед диких пчел. В желудках куниц находят много непереваренных семян. Вот и получается, что зверь их по лесу разносит, сеет ягоды. Выходит, пользу приносит этим.

Лесная куница, как и следует из названия, живет в темно-хвойных и смешанных лесах — старых, захламленных. Хорошо лазает по деревьям и даже умеет прыгать с дерева на дерево. И все же больше любит бегать по земле. Владения у нее огромные — 500—700, а у самцов и тысяча гектаров. Вот и бродит всю ночь. Спит где придется: в дуплах белок, в гнездах птиц. Постоянные убежища есть только у самок с детенышами.

В своих владениях куница настоящая хозяйка. Она знает, где ей лучше отдохнуть, где спрятаться от непогоды. Ей известны все буреломы, валежины.

На юге нашей страны живет каменная куница. Селится она в высокоствольных лесах, но чаще в оврагах, каменных балках, на скалах гор. Еще охотнее, чем лесная, бегаёт по земле. И охотится не только ночью, но и днем.

Грациозная, гибкая генета, словно струится, когда крадется по земле за своей очередной жертвой. Это может быть какой-нибудь мелкий грызун, птица, ящерица или насекомое. Не прочь она схватить и домашнюю курицу или гуся. Без всякого труда проскользнет в любую щель, лишь бы смогла просунуть в нее свою узкую голову. Ловкая и сильная, она с места может делать двухметровые прыжки, легко взбирается на деревья, хорошо плавает.

Генета — житель Африки и Юго-Западной Европы. Это ночной хищник. Днем же генета устраивается спать в чужой норе, дупле, а то и просто на ветвях дерева или в расщелине скалы.

Красивая сероватая или желтоватая шкурка зверька украшена коричневыми или черными пятнами и крапинками. мех плотный, нежный, но (к счастью, для генеты) в промышленности почти не ценится.

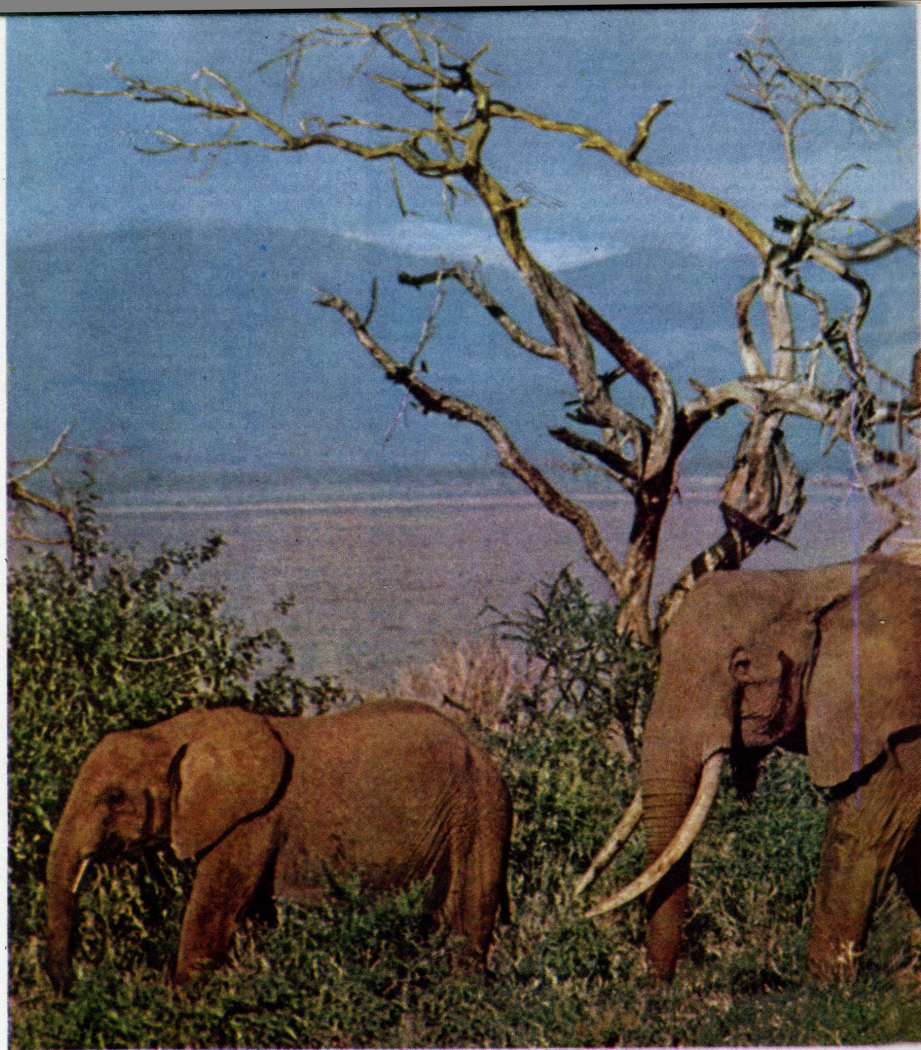

Индюк — птица американского происхождения. И сейчас еще в Северной Америке живут прародители домашнего индюка, крупные, ярко расцвеченные важные птицы. Однако особо «важничать» дикому индюку теперь не приходится: он в большой опасности. Было время, когда индюки были самыми обычными птицами страны. Но вот в Америке появились европейские поселенцы. Потом началось стремительное передвижение европейских поселенцев в западные части материка, на новые необжитые земли. Вырубались леса, распахивались степи, выжигались кустарники, на-

чалась безудержная охота на всякую пернатую и четвероногую дичь. Исчез странствующий голубь, не стало эскимосского крошинепа, туго пришлось «важному» индюку. Добыть его было проще простого. Фермер только выходил за пределы двора и тут же возвращался с подстреленной птицей. Несколько лет индюки были местами самой обычной и надоевшей пищей во всех семьях: каждый день индюк и индюк, ничего другого.

А в результате? Индюк стал теперь очень редкой, исчезающей птицей Североамериканского материка.

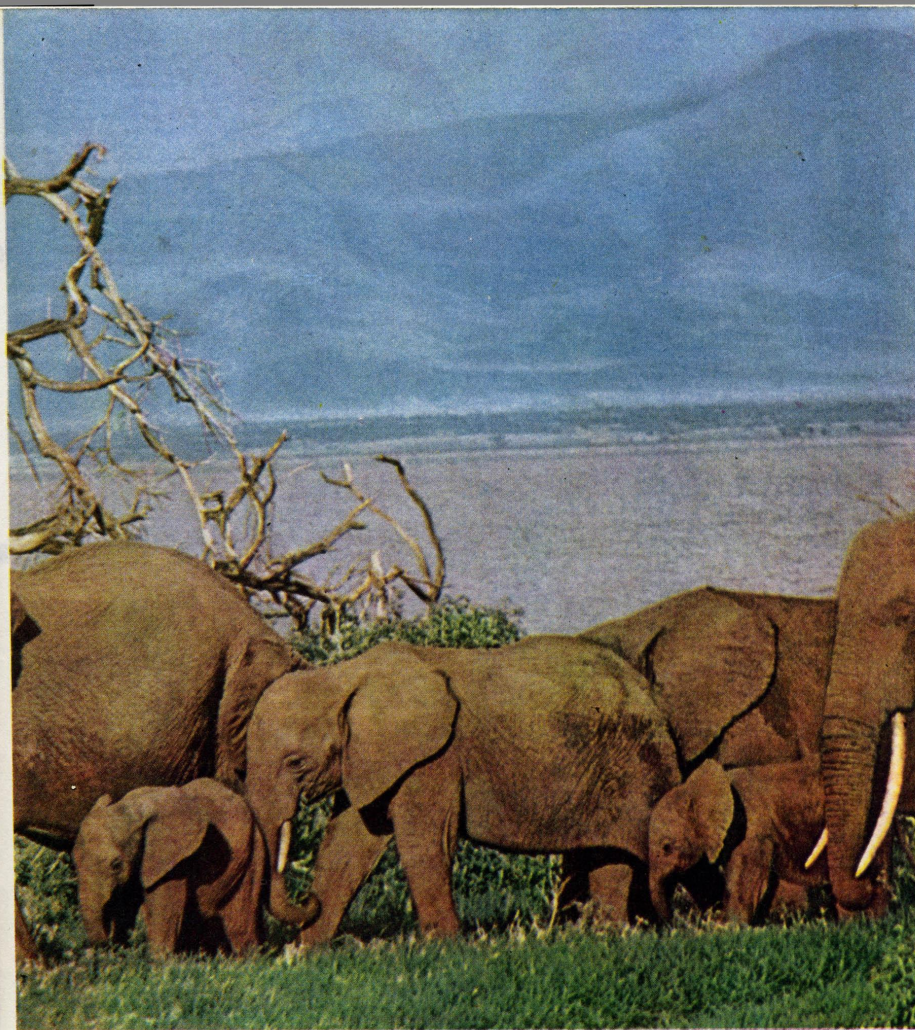

Африканский слон — самое крупное и, пожалуй, самое несчастное животное. Издавна его бивни ценились на вес золота. И за это слон поплатился своей жизнью. Было время, когда ежегодно убивали до 70 000 этих могучих животных. И естественно, слоны стали редкостью.

Хотя африканский слон населяет огромную территорию к югу от Сахары, встретить его удается нечасто. Лишь в национальных парках можно увидеть большие стада.

Трудно поверить, что это огромное, с массой до 7,5 тонны, животное, легко и быстро передвигается, прекрасно плавает, свободно чувствует себя среди скал.

Бесполезно преследовать потревоженное стадо слонов. Ровным, внешне нетороп-

ливым шагом слоны словно «прорезают» густые заросли, но вы не услышите ни шороха, ни треска, не заметите ни одной колышущейся веточки. Уходя от опасности, эти животные за одну ночь преодолевают десятки километров.

Слоны редко живут в одиночку. Они очень дружны, узнают друг друга, сообща защищают детенышей. Неуживчивым и раздражительным бывает лишь больной слон. Обычно он уходит от стада, но неизвестно, делает он это по собственной воле или его изгоняют товарищи. Кроме человека, у слона нет врагов. Носорог, второй гигант Африки, спешит уступить ему дорогу. Ну а если их пути сходятся, он всегда оказывается побежденным.

ГУР- ГУЛИ

Эта африканская красная шурка гнездится в саваннах от Сенегала до Сомали. Лишь на «зиму» улетает она в тропические леса.

Так в Алма-Атинской области называют золотистых шурок — ярких птиц, окрашенных в чистые, четко разграниченные цвета — коричневые, желтые, зеленые, голубые с металлическим отливом. Посмотришь на них — и кажется, что перед нами пестрый пернатый мир тропиков. И действительно, большинство родственников шурок — жители саванны Африки и открытых пространств Южной Азии. Птицы очень привлекательны, и вполне естественно, что мне захотелось сфотографировать их.

В один погожий день, зарядив фотоаппарат, я засел неподалеку от чернеющих норок-гнезд, выбитых птицами в обрыве.

Гургули гнездятся в предгорьях Заилийского Алатау, как и в других местах, парами или колониями. Их соседи — галки и сизоворонки. Нередко среди этих птиц селятся и воробьи. И почему-то хозяева считают своим долгом согнать воробья, где бы он ни сел. А тот равнодушно прерывает свои дела, ничуть не пугаясь и не волнуясь, о чем можно судить по его спокойному чириканью, увертывается от гонений и с какой-то покорной настойчивостью продолжает жить в чуждой ему колонии. Создается впечатление, будто воробьев осудили на поселение в среду сильных и безжалостных щеголей, которые презирают сереньких воробышек.

Для своего гнездовья шурки выбрали обрыв. Когда-то здесь проходила проселочная дорога. По ней ездили и ходили, не обращая внимания на то, что дорога врежется в тело горы, образуя отвесный глинистый склон. Снега и дожди довершили дело, размыв гору до основания. От гнездовья меня прятала буйно разросшаяся трава. Пахло полынью, мятой и пижмой.

Время от времени то одна, то другая шурка зелено-голубым огоньком бесстрашно устремлялась к обрыву и с ходу исчезала в норе. Видимо, птицы носили корм. Птенцов шурки выводят в норе. Самка двадцать дней насиживает яйца, которые лежат без всякой подстилки, прямо среди хитиновых оболочек съеденных насекомых. Начинает насиживать, как только в гнезде появится первое яйцо, поэтому выводок бывает разновозрастным. Месячный гургуленок уже может летать. Да еще как! Мелодично выкрикивая звуки, похожие на слово «гургули», он выделяет удивительные пируэты в небе. Чем больше я смотрел на птиц, тем сильнее восхищался их летными способностями. Вот одна из них ввинчивается в небо по спиралеобразной кривой, затем летит зигзагом, падает, садится на оголенную ветку засохшего кустика и снова без труда оказывается в воздухе. Неожиданно птица как бы ныряет вниз,

придерживаясь линии, по которой только что летела вверх. Вниз она летит, а не падает. Переходя с одного вида полета на другой, птицы скользят то левым, то правым крылом.

Издали шурку можно принять за ласточку или перепутать с какой-нибудь другой птицей. Но если взглянуть, то можно заметить, что отдельные фигуры полета шурки хорошо различаются и в то же время связаны между собой, легко переходят друг в друга.

Своеобразны у птиц рулевые перья. Самые средние длиннее других примерно на два с половиной сантиметра, и опахала на концах этих перьев сужены. Крылья птиц лежат значительно ниже средней линии тела и не разгибаются до конца. Даже какая-то «сутуловатость» гургулей говорит о приспособленности их к воздушной стихии.

Мне так и не удалось сфотографировать шурку. Усталый и огорченный, я вернулся на пасеку. Но не нашел сочувствия у пасечника. Он считал шурок своими злейшими врагами. Дело в том, что гургули питаются различными насекомыми, в том числе осами и пчелами. «Осы еще куда ни шло, — говорил пчеловод, — а вот пчелы — это уж слишком». Пасечник рассказал: бываю дни, когда птицы большими стаями нападают на пасеку. Эти атаки — сущий разбой. Крики и выстрелы из ружья птиц почти не пугают.

ОДИНОКИЕ СТРАННИКИ

(Окончание. Начало с.и. на стр. 9.)

большое количество хорошо сохранившихся мумифицированных тюленей туш. Жировая прослойка у них полностью отсутствовала, кишечник и желудок были совершенно пусты, брюхо и подбородок изодраны в клочья от долгого передвижения по льду и камням.

Но наиболее поразительными оказались находки советских ученых в антарктическом «оазисе» — Вестфолль. На протяжении более десяти километров по берегам многочисленных озер были разбросаны останки и скелеты морских слонов, тюленей Уэдделла, тюленей-крабедов, пингинов, поморников и гигантских буревестников. Некоторые из них лежали далеко от моря и на значительной высоте, на тех уровнях морских террас, где когда-то плескалось море. Не служит ли это доказательством того, что в не столь отдаленном в геологическом отношении прошлом был период, когда

Рассказ пасечника несколько охладил мой пыл. Оказывается, я видел шурок, когда они охотились на пчел, несших взятку с куртинок расцветших неподалеку эспарцета и сурепки. Возникло противоречивое чувство: с одной стороны, я не мог забыть изящных парений гургулей, с другой — было жаль полезных насекомых. Замысловатые выражи оказались погоней за легкой добычей. И тем не менее нельзя отрицать, что птицы делают свое дело с профессиональной красотой и точностью. Описаны случаи охоты шурок во время степных пожаров. Гургули ухитряются ловить спасающихся от огня насекомых среди брызжущих искр у самой кромки мчущегося пламени. А вот сорокопут, который тоже норовит поймать пчелу, так рискованно и виртуозно ловить насекомых не может. Он действует как плутоватый ворничка. Подлетит тихо к пасеке, сядет в укромном местечке и ждет удобного момента. Стоит отвернуться — схватит пчелу и съест, а если не голоден, наколет на сухую веточку.

Но шурки едят не только пчел. Законченными разбойниками шурок называть не стоит. Они ловят всевозможных насекомых и вдали от пасек вреда не приносят.

3. Мукашев

Рис. Л. Сизякова

уровень моря находился гораздо выше, а климат намного теплее современного?

В 1969 году в национальный научный фонд США поступило сообщение. На горном хребте Королевы Александры, в 800 километрах от Южного полюса, геолог Д. Эллиот обнаружил череп пресмыкающегося, абсолютный возраст которого составляет двести миллионов лет. Установили, что этот череп принадлежит листозавру, останки которого были найдены ранее в Азии и Южной Африке. Здесь же были найдены останки предков современных крокодилов и аллигаторов — кодонтов. Многие ученые во всем мире теперь считают, что это открытие окончательно подтвердило существование единого южного суперконтинента Гондваны, в состав которого входила и территория Антарктиды.

Таковы факты. Каковы действительные причины, побуждающие отдельных представителей антарктической фауны бросать привычные насиженные места на берегу океана и отправляться в глубь материка, должны показать дальнейшие совместные исследования советских и американских ученых.

И. Цигельницкий,

кандидат географических наук

ЯСТРЕБИНКА

Прокладывая первую лыжню, мы заметили над полем, сдавленным с трех сторон густыми перелесками, какую-то необычную птицу. Позже, пробегая мимо этого поля, мы почти всегда видели ее и уж не представляли лыжной прогулки без встречи с нею.

Птица ястребиной окраски с длинным хвостом и большой круглой головой подолгу висела в воздухе на одном месте, словно толчком продвигалась вперед и снова висела над полем. Иногда она камнем падала на снежную целину, быстро схватывала что-то и скрывалась в соседнем березняке.

Мы, конечно, навели справки и выяснили, что птица эта — ястребинная, или березовая сова. В отличие от других сов летает и охотится днем.

Зимним сереньким днем, пробираясь на лыжах сквозь густой, как щетка, молоденький ельник, услышали мы вдруг выстрел, звонко разнесшийся в перелесках.

— Кажется, с нашего поля, — с тревогой проговорил Юрка.

Выбегаем к полю — никого нет. Только два лыжных следа стыннут в снегу, исчезая за группой выбежавших в поле елочек. Над полем тоже пусто.

Внимательно осматриваем все вокруг и на невысокой преждевременно засохшей елочке замечаем нашу давнишнюю знакомую. Сидит она, правда, неестественно и подозрительно на нас посматривает. Приближаемся мы к ней, а она от нас. Махмах крыльями — и в снег сунулась. Барахтается в снегу, а взлететь не может. Подбежали мы к ней, хотим в руки взять, а она в сторону, клювом угрожающе щелкает.

Наконец, взяли мы ее в руки, разглядываем. Красива! Большие черные глаза с золотым ободочком, опущенные длинными ресницами, смотрят не испуганно, а скорее укоризненно, словно говоря: «Эх, вы, люди!»

— Не напрасно ее березовой называют, — восхищается Юрка, — сядет такая в березняк — попробуй усмотри!

Принесли мы совушку домой. На ночь в подполье посадили, а днем выносили в комнату. Сначала дичилась, но вскоре стала брать мясо лапой — совсем как человек рукой. Поднесет к клюву и отщипывает маленькими кусочками. Смешно ест!

Через недельку, решив, что птица поправилась, вынесли мы ее на улицу, подбросили в воздух, но она тут же приткнулась к стене дома.

Всю зиму жила у нас ястребиночка. И хлеб свой недаром ела — вывела всех

мышей. А весенним пасмурным вечерком, когда в воздухе победно разносились ароматы талой земли, вынесли мы ее к веселой березовой рощице.

На закрывающемся поле посадили мы ее на пень, отошли в сторону. Осмотрелась птица, шагнула к краю пенечка и взмыла в воздух легко и бесшумно. Трепыхая крыльями, повисела она минутку над опушкой, словно прощаясь с нами, и серой тенью скрылась в березовом разливе.

С. Топорков

ТИШЕ, У КЛЕСТА ДЕТИ!

Небо прояснилось к полнучи. Снегопад кончился. Поуголая зима обновилась. С рассветом я уже в лесу разглядываю первую страницу лесной книги, скупо испещренную хитрым языком следов лесных обитателей. Читаю молча. Так же, про себя, читает и гончая собака Вега. Она хорошо разбирается в этой грамоте. Очень люблю я, когда она читает вслух.

Под еловой сушиной шумно хлопочет компания чечеток. Здесь кузница дятла. Чечетки любят посещать такие места и находят их без труда. На белом издали видны расстрепанные еловые шишки и отдельные семечки.

Вега оживилась. Отбирает след. И тут и там рубит хвостом, как саблей, заснеженный кустарник. Вот и отрывистое «гав!». Потом еще. По-собачьи это означает — хозяин, я учуяла заячью лежку! Гляди, выскочит! И заяц-беляк выскочил. В глубину леса поплыло заливистое собачье «чтение». Заяц идет своим традиционным кругом. Выбираю место и замираю в стойке.

Но что это? Снежок сверху посыпался. Синичка вспорхнула? Нет, тут что-то другое. Выбираю по наклонной валинке. Ба, птичье гнездо, и птичка смотрит в испуге, словно спрашивает: «Ты с добром пришел или со злом?» Можно ее рукой накрыть. Гляжу на нее, а она плотнее припадает. Вот-вот взлетит

«Какая отчаянная», — удивляюсь я. Только мать так может riskовать своей жизнью. Еще бы. Улети она с испугу, что тогда будет с маленькими птенчиками? Конечно, я не трону их. А вот зима убьет своим колючим дыханием.

А тут еще Вега с неумным и надрывным лаем приближается по следу беляка. Вот досада... Хочется крикнуть: «Тише, у клеста дети!» Уходил я взволнованный и довольный, что не очень нарушил этот маленький, но суровый уют. Непросто вывести птенцов в зимнем лесу.

В. Тихомиров

ривет, привет, мои друзья! Начинаем очередное заседание Клуба Почемучек. Прошу внимания.

— Вот именно, Мюнхгаузен, внимания и еще раз внимания.

— Вы позволили прервать меня, Айболит, и это на вас не похоже.

— О, я бежал сегодня на заседание Клуба со скоростью гепарда.

— Вы чем-то взволнованы, добрый доктор?

— Я чуть не заплакал от горя, про-

читав вот это письмо. И я подумал: покажу письмо Почемучкам.

— Что же вы медлите? Читайте.

— Да, да, слушайте. «Мы, — пишет москвичка Галя Тарасова, — нашли в лесу больного ежика. Когда принесли его в школу, увидели: лапка ежа сильно перетянута ниткой». Бедное животное!

— Продолжайте, Айболит!

— «Мы перерезали нитку и накормили ежа мясом, молоком, творогом». Молодцы! Такое же лечение назначил бы и я. «Через несколько дней ежик

поправился». Иначе и быть не могло! «Еж стал совсем ручной и жил у нас до весны. Весной мыпустили его в лес».

— Отличный конец у этой истории, Айболит. И не стоит волноваться.

— Ошибаетесь, Мюнхгаузен. Нужно волноваться. И до тех пор, пока не будет ни одного случая жестокого обращения с животными.

— В таком случае мне, как всегда, пришла в голову блестящая мысль. Мы объявляем суд над жестокостью. Главный судья — вы, Айболит.

— Позвольте, однако, вмешаться в разговор, уважаемый барон Мюнхгаузен.

— Сделайте одолжение, Паганель. Говорите.

— Будем справедливы, уважаемые коллеги. Ведь гораздо чаще нам приходится слышать о заботливом отношении к животным. И чтобы смягчить тягостное впечатление, которое произвело на нас только что прочитанное письмо, я позволю себе предложить вашему вниманию выслушать послания иного содержания.

Несчастный случай

Накануне весь день сыпал тяжелый мелкий снег. Ночью подморозило. Утром мы с подругой пошли в школу.

Вдруг внимание привлекло жалобное мяуканье. Мы находились недалеко от железнодорожного полотна. В стороне лежали старые, непригодные для работ рельсы. Оттуда раздавался этот звук. Я пробралась к рельсам и заглянула под них. На меня смотрели два зеленых с черной щелочкой глаза. Я подумала, что кот застрял между рельсами, и протянула руку, чтобы ему помочь. Но он злобно заурчал и попытался меня укусить. До звонка времени оставалось очень мало, и мы быстро побежали в школу.

Про кота я забыла и вспомнила, лишь когда очутилась против рельсов и до меня донесся голос животного. По своим утренним следам я снова пробралась к коту. На меня смотрели печальные затуманенные глаза. Вся шерсть была покрыта инеем, я испугалась, подумала, что он замерз, и тихонько потянула его на себя за передние лапы, но он не поддавался. Я потянула сильнее, но кот только открыл глаза и печально замаякал. И тут я с ужасом увидела, что его хвост примерз к земле. Тогда я быстро побежала домой и позвала отца. Через несколько минут мы были на месте. Кот по-прежнему сидел на снегу под рельсами и жалобно мяукал. Отец нашел железный брусок и стал отбивать около кота лед. Потом мы вытащили потерпевшего из-под рельсов и пошли домой. К моему удивлению, кот не сделал ни одной попытки укусить меня. Беднягу посадили около батареи и накормили. Он громко и протяжно мяукал.

Прошло несколько дней. Из жалкого, замерзшего комочка он превратился в красивого пушистого сибирского кота. Он живет у нас и ловит мышей.

Таня Тырина

ст. Бронницы Московской области

Здравствуй, синица!

Зимой холод и голод погнал птиц к деревьям и городам. Воробы и синицы стаями поселились по садам. Однажды я увидел на дереве синичку. Она сидела на ветке не шевелясь, и я подумал, что птица спит. А потом я увидел ее на снегу. Казалось, она замерзла. Я взял синицу, отогрел, дал поесть и выпустил. Утром, когда я собирался в школу, слышу: тук-тук-тук. Кто-то стучит в окно. Синица! Я насыпал на подоконник крошек и семян. Склевав завтрак, синичка улетела. И вновь прилетела, и снова стучала в окно.

Вася Муха

с. Коты Львовской области

— Браво, Паганель! Я всегда утверждал: тот, кто был Почемучкой, стал защитником птиц и зверей.

— Смею заметить, об этом нам сообщают не только члены Клуба. Послушайте, какой рассказ получен от Игоря Ильича Ильичева.

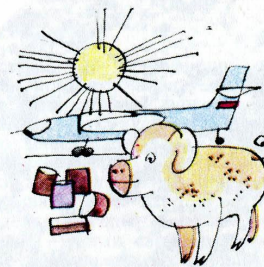
Пятачок

Его появление на станции «Северный полюс-2» было совершенно неожиданным. С одним из рейсов из вместительного салона «Ила» полярники вытащили розовенького жизнерадостного поросенка. В официальных бумагах, сопровождающих груз, этот пассажир не числился, и можно было со спокойной совестью отправить «зайца» поросенка обратно тем же самолетом. Но, посоветовавшись, мы решили оставить его на временное жительство.

Жил поросенок в просторном ящике. А кормили и поили его все зимовщики по очереди. Имя выбирали недолго — Пятачок.

Постепенно полярники подружились с жителем зеленого ящика, и Пятачок стал всеобщим баловнем. Каждый норвил притащить ему кусочек пожирнее и побольше, постоять и поговорить с ним, почесать за ухом. Суровый климат наложил отпечаток на внешность Пятачка. Когда приблизилась полярная зима со жгучими морозами и метелями, он оброс такой длинной и густой шерстью, что ему мог бы позавидовать любой из диких сородичей, обитающих в лесах.

Начались метели. «Квартира» Пятачка превратилась в большой сугроб с подушкой наверху.

Летом клетка с поросенком стояла неподалеку от снежного дома. После того как он растаял, на его месте образовалось небольшое, но довольно глубокое озерко, покрывшееся теперь молодым ледком. Нужно было «переселить» поросенка на новое место.

Но поймать Пятачка было непросто. Стоило только приоткрыть крышку ящика, как поросенок проскочил мимо рук и угодил в воду. Пятачок долго не показывался. Полярники забеспокоились: так и простудится недолго. Наконец на противоположном конце озерка лед начал приподниматься, потом с треском лопнул, и появился мокрый взъерошенный Пятачок. Вид у него был настолько жалкий, что все бросились помогать ему взобраться на крутой и скользкий ледяной берег. Кто-то набросил на замерзшего Пятачка свою куртку.

Кулание в ледяной воде не прошло Пятачку даром. Он простудился.

— Да, приятно слушать сообщения тех, кто заботливо относится к животным.

— И тем печальнее, когда сталкиваешься с жестокостью. И я повторяю, жестоким поступком Клуб объявляет суд. Главный судья — Айболит. Обвинители — Почемучки.

— Прошу уточнить, Мюнхгаузен: обвинять имеет право только тот, кто сам бережно относится к животным и подтвердит это своим рассказом.

— Заседание продолжается. Слово Петру Петровичу Смолину.

Весна пернатых

Зима на исходе. По краям крыш выстроились длинные ряды прозрачных хрустальных сосулек. На солнечной стороне снежных круч ласковые весенние лучи выткали чудесные ледяные кружева. Потемнели дороги. Но зима не собирается еще сдавать свои позиции. Стоит солнышку скрыться — и

она становится полновластной хозяйкой. Метут метели, щиплют за уши и за нос морозные утренники. Но пернатых не обманешь. Своими внутренними часами они отчетливо чувствуют приближение весны и настраиваются на весенний лад. В солнечные дни зимняя пернатая армия всяк по-своему выражает свои весенние настроения: закончили начатые в декабре воздушные игры черные вороны. Ворониха уселась на гнездо, а ее спутник жизни занял свой сторожевой пост на вершине одного из соседних деревьев.

Уменьшились зимние стаи галок, зато около пригодных для гнездовий мест чинно и важно расселись галочки парочки. Прославленные птицы мира — голуби теряют установившуюся за ними хорошую репутацию и ведут жаркие бои за места гнездовий.

Домовые воробы закончили сезон хорового чириканья и поспешили занять все места, где, по их воробыным понятиям, можно свить гнездо. На свалках среди воробыных и галочьих стай щеголяют иссиня-черным оперением первые вестники весны — белоногие грачи — разведчики.

Полевые воробы усиленно сверяют свое поведение с расписанием погоды — в пасмурные дни они собираются в стаи, а в солнечные каждая парочка этих веселых птичек спешит к облобованному дуплу и выглядывает из него, сообщая своим сородичам, что квартира занята.

Полон звуков зимне-весенний лес: энергично барабают дятлы, колокольчиками звенит синичий хор. Нескладную, нестройную песенку бормочут сойки. Как приветствие приближающейся весне разносится по лесу веселая, задорная песенка пищухи.

Позвольте, скажет читатель, хорошо знакомый с зимней жизнью птиц, ведь все названные песенки звучат в лесу уже с середины зимы. В чем же тогда особенности птичьего пения в предвесенний период?

Действительно, в конце зимы совсем немного птичьих голосов. Особенность ранневесенних концертов не столько в добавлении новых голосов, сколько в нарастании интенсивности пения. В середине зимы голоса пернатых звучат робко и неуверенно, а к весне птичий хор звучит с большим азартом. Но появились и новые солисты. Ручейками звучат песни гайчек. Раскатистая трель лазоревки доносится с вершин ивняка. Долбит звонкую песенку бойкая москвичка, а хохлатая гренадера дополняет ее короткими повторяющимися трельками. С вершины высоких деревьев протяжно свистит поползень. И вся эта птичья

весенняя суета все увереннее подкачивает приближение весны.

— Друзья мои, Почемучки! Позвольте напомнить вам, что наша фотовыставка «Удивительное — рядом» — особенная. Каждый месяц выставка должна пополняться новыми снимками. Однако должен заметить, работ, достойных показа, маловато.

Сегодня на выставке мы увидим редкий снимок Михаила Бородачева из Москвы и прочитаем его рассказ.

Редкий снимок

Барсук — животное ночное, и сфотографировать его при естественном свете — редкая удача. Мне пришлось долго сидеть в засаде у норы, чтобы сделать этот снимок. Барсучата, смешно фыркая, каждый вечер резвились на полянке перед норой. Сначала я фотографировал их издали, а потом даже с одного метра. Хорошо замаскироваться в зарослях не так сложно, но труднее всего лежать неподвижно, облепленным комарами, и держать палец на спуске.

Один раз, когда фотоаппарат щелкнул совсем рядом, барсук подскочил, словно его по носу стукнули, и с громким хрюканьем скатился в нору. Были и другие забавные случаи.

В сумерках вышла на охоту мать. Она долго прищивалась и прислушивалась, прежде чем отойти от норы. Когда она уходила со своими шумными детьми, я тоже тихо шел домой.

— Друзья мои! Я с огромным удовольствием предоставляю слово гостю нашего Клуба — Сверре Фельстаду — большому любителю и знатоку птиц.

Свиристель

В один прекрасный день в садах и парках появляются свиристели. Птицы садятся на рябины и боярышник и начинают непрерывно высовывать чистые и ясные трели. Трудно описать их песню, ее надо услышать самим!

В облачный день шелковистый пепельно-серый наряд свиристеля сливается с фоном серовато неба, слегка окрашенного в лиловые тона. Тем не менее оперение свиристеля удивительно красиво: ярко-красные крапинки на крыльях (точно птица ненароком помешала художнику, и он в сердцах швырнул в нее кистью), ярко-желтая полоска на кончике хвоста, а то и крапинки.

Свиристели — спокойные, неторопливые птицы, обычно малопугливые. К ним можно подойти совсем близко — они не упорхнут. Птицы прилетают к нам издали. Их гнездовья расположены на крайнем севере Норвегии. Именно там проводят они весну и лето, строят гнезда и выводят птенцов.

В окрестностях Осло стаи свиристей обычно появляются в середине октября. Значит, свой дальний путь они проделывают за несколько недель. Отсюда птицы летят дальше, на юг, но не раньше, чем полностью очистят плодовые деревья и кусты. После этого красивыми птицами могут любоваться жители других, более южных европей-

ских стран. К сожалению, не все радуются краткому визиту свиристей, птиц нередко ловят в западни и сетки, натянутые между кустами и деревьями. Увы, во многих странах Европы такая ловля еще разрешается. В Норвегии она карается законом. Но и у нас ежегодно подстреливают этих птиц.

В отдельные годы — примерно раз в десять лет — стаи свиристей бывают особенно большими. Их можно видеть тогда повсюду: от Северной Африки на юг до Исландии на севере. Интересно, что свиристели не возвращаются на свои старые гнездовья. Куда они держат путь, орнитологи до сих пор затрудняются сказать. Вероятно, просто погибают.

На следующий год после массовых кочевков свиристей бывает очень мало. Но с каждым годом число их увеличивается, и примерно через девять лет опять достигает предела. И все повторяется сначала. Кочевки, очевидно, вызваны избыточной численностью свиристей. Но почему происходит такой рост численности птиц, остается загадкой. Не знаем мы и причины десятилетних циклов.

Примерно в конце декабря большинство свиристей покидает лесные массивы вокруг Осло. Однако зимой 1963/64 года мне довелось видеть в этом районе стаи птиц в конце января. Я долго ломал себе голову: чем питаются свиристели — ведь все кусты рябины, боярышника и барбариса стояли голые, без единой ягодки.

Ответ на мучивший меня вопрос я получил совершенно неожиданно. В один прекрасный день, когда со склона холма я наблюдал в бинокль за тетеревами, которые кормились на березе, в поле моего зрения попала стайка свиристей. Птицы облепили кусты можжевельника. Какое-то время они сидели неподвижно, и их похожие на перезвон колокольчиков трели звучали в морозном январском воздухе с удивительной силой. Забавно было наблюдать, как птицы то поднимали, то опускали изящные хохолки, будто вели беседу.

Но вот их трели внезапно изменились. То был, верно, сигнал обеда: тотчас все до единой птички принялись выскидывать ягоды на пышных ветках можжевельника. Что за аппетит! Всего четверть часа потребовалось свиристям, чтобы полностью очистить можжевельник от плодов.

Насытившись, птицы, похожие на пушистые шарики, какое-то время, посвистывая, сидели на ветках и нежились в лучах солнца. Внезапно свист перешел

в мощное фортиссимо, и вся стайка поднялась в воздух. Шум крыльев на время заглушил пение, но я еще долго слышал призывные крики свиристей; они звенели так, будто тысячи сосулек, повзвывая, падали на тончайший лед ручейка.

— Позволь мне, о мудрейший из мудрых, пригласить всех участников Клуба полететь на моем ковре-самолете в Осло, посмотреть этих прекрасных птиц.

— Дорогой Хоттабыч. А знаете ли вы, что, когда во время зимних кочевков свиристели направляются к югу, они часто бывают гостями многих городов. Стайки этих птиц (когда больше, когда поменьше) регулярно бывают и в Москве, например, в озелененных дворах Ленинского и Ломоносовского проспектов, а то и на деревьях проезжей части улиц. Поэтому лететь в Осло не стоит... Теперь прочтите рассказ, который прислал Владик Бинкин и Юра Черкаев в альбом «Зеленые тропинки».

Мы разгадываем загадки

И вот после долгих часов дороги мы в Беловежской Пуще. Идут первые числа января, но здесь тепло, всего 2 градуса мороза. Иней так густо обсыпал растения, что они кажутся хрупкими, стеклянными.

Случайно мы набрали на осушительный канал, в котором под мостиком, где течение было наиболее сильным и вода освободилась ото льда, нашли колонию остромордых лягушек. Большинство из них сидело, забившись под камни, образуя большие скопления. Лягушки ни на что не реагировали. Даже когда мы допрашивались до них палкой, они только сильнее прижимались к камням.

Недалеко от колонии мы нашли двух замерзших лягушек, которые, по-видимому, выпрыгнули на лед во время оттепели, где их и застал заморозок.

Температура постепенно повышалась. Уже на следующий день было плюс 2 градуса. Лягушки становились более подвижными. И вот вдруг одна лягушка поползла по растениям вверх. Во льду была выемка, в которую течением заносился воздух. Лягушка сунула морду в выемку и несколько минут дышала.

Лягушки могут дышать подо льдом атмосферным воздухом! Но на этом сюрприз не кончился. На мелководье, где

вода освободилась от льда, наполовину высунувшись из воды, дышала серая жаба!

Жабы исключительно наземные существа и в воде бывают всего несколько дней, в период размножения. Как жаба попала зимой в воду, остается загадкой.

Пора было нам уезжать. Жаль, но

мы еще вернемся сюда, чтобы разгадать эту тайну природы.

И как всегда вопрос: «Почему лишайники называют пионерами растительности?»

Лена Иванова

Архангельская область

Ч А Н А

Некоторые собаководы-любители создали легенду, что ротвейлер трудно воспитуем и плохо поддается дрессировке. Моей собаке около шести лет. Не было ни одного случая, чтобы собака кого-нибудь покусала. Мои два маленьких внука «нападают» на Чану — виснут на ней, и она с удовольствием с ними играет. Но обидеть своих хозяев и членов их семей ротвейлеры не дадут — защитят. Если щенка с трехмесячного возраста натаскивать и развивать у него злобу, вырастет зверь, которого потом придется уничтожить. Собака должна обладать злобностью, но не быть зверем.

Как-то летом, когда уже стемнело, я с Чаной вышел на прогулку. В небольшом сквере против нашего дома ходила группа девушек и парней. Видно было, что они что-то ищут.

— Ребята, что случилось? — спросил я.

— Вот эта девушка потеряла ключи, — ответил юноша.

— На чем были у вас ключи?

Ключи у девушки были связаны тесемочкой.

Я позвал Чану. Попросил девушку, потерявшую ключи, подойти ко мне, а ребят отойти в сторону. Я сказал девушке, чтобы она понюхать свою руку собаке. Девушка сначала отказывалась, но когда я ее заверил, что Чана не укусит, а по запаху руки будет искать ключи, она робко протянула руку.

Я отпустил Чану и дал команду «ищи». Чана бросилась искать утерянные ключи. Не прошло и пяти минут, как Чана, радостно махая хвостом, подбежала ко мне, неся в зубах связку ключей.

Ребята с восхищением смотрели на собаку, спрашивали, что она еще может делать.

В Западной Европе все больше и больше становится собак ротвейлеров, работающих в полиции в качестве сыскных собак. У нас в Москве на милицейских дрессировочных площадках также стали появляться собаки-ротвейлеры, обучающиеся сыску.

Ротвейлер — редкая порода. Завезена она к нам после войны из Германии. Название свое получила по имени небольшого города на юге Германии Ротвейль. В Москве и области собак ротвейлеров около 150.

Разведением и распространением породы занимаются как клубы служебного собаководства ДОСААФ, так и некоторые спецпитомники. Приобретая месячного щенка ротвейлера, необходимо вместе со щенком получить родословную. Запись и продажа щенков происходит через клубы собаководства ДОСААФ.

Приобретайте ротвейлеров — не пожалеете!

М. Псалмов

ГНЕЗДО В КАКТУСЕ

Все живое в природе находится в постоянной взаимосвязи и взаимодействии. Сообщества растений, животных и микроорганизмов, которые образуют устойчивую экологическую систему, называются биоценозами. Не исключение и жители пустынь — кактусы. Только на окне в наших коллекциях кактусы лишены их естественного окружения. На родине же, в пустынях и полупустынях, в саваннах и в тропических лесах, на океанском побережье и высоко в горах — везде кактусы неотъемлемая часть ландшафта, обязательный элемент биоценоза. Нити, которыми связаны живые организмы в биоценозе, чаще всего незаметны для человека. Вот один из ярких примеров этого интересного биологического явления.

В колючих зарослях цилиндропунции, в развилках стеблей, вьют свои гнезда многие пернатые

обитатели американских полупустынь. Гнездо из сухой травы и волокон из листьев юкки — надежное убежище. Сквозь колючую преграду не пробраться бегущим и ползающим любителям птичьих яиц. Но птичье семейство не просто «приживалы» у кактуса, не бесплатно «снимают» они квартиру. Уничтожение вредных насекомых, удобрение бесплодной каменной почвы, помощь в опылении цветов — вот плата за «аренду жилплощади». Постройка гнезда длится два-три дня. Трудятся птицы обычно рано утром, когда солнце еще не палит так немилосердно, как днем. Сохранять тепло ночью и защищать обитателей гнезда от солнца днем — такова задача этого «архитектурного сооружения». А это очень важно, ведь разница между дневной и ночной температурами достигает здесь 68 градусов.

Три выводка птенцов за лето покидают гнездо.

Г. Вольский

ПОДВОДНЫЙ САД

Так получилось, что водные растения оказались пасынками у любителей комнатных растений, да и аквариумисты не уделяют им особого внимания.

А между тем эти растения — достойные представители обширного ботанического населения планеты. Делятся они на две совсем разные армии. Одна когда-то давно развелась и расселилась в морях, океанах, озерах и реках. И вот уже миллионы лет прочно удерживает эти позиции, особенно в морях и океанах. Вторая армия растений вторгается в подводный мир с суши, постепенно погружаясь все глубже и

глубже. Представители первой армии — водоросли — от крохотной зеленой точки хлореллы до огромных, в несколько десятков метров длиной, морских водорослей, из которых получают вкусные салаты и сложные химические вещества. Поскольку эти растения с самого начала сформировались, развились и продолжают расти в воде, их называют первичноводными.

А вот представителей второй армии только совсем ботанически неграмотный человек может назвать водорослями. На эволюционной лестнице они появились значительно позже и стоят на более высокой ступени развития, чем водоросли. Эти высшие цветковые растения сформировались, когда их предки уже вышли из воды и расселились на суше. В воду они вернулись, постепенно завоеывая новые области для расселения. Поэтому в отличие от водорослей эти растения называют вторичноводными. Именно ими засаживают любители свои аквариумы, водоросли в домашних условиях почти не встречаются.

Сколько же растений пригодно для посадки в комнатном подводном саду? Ответить на этот вопрос очень трудно.

Водные растения не образуют одно общее семейство. Почему? Да ведь к жизни в водной среде приспособлялись сухопутные представители самых разных семейств. Они спустились в воду в разных концах планеты и в разное время. И по-разному приспособлялись — одни ныряли в воду, а другие стремились замочить только «кончики ног» — корневика. Степень «водности», приспособления к жизни в воде, у этих растений тоже оказалась разной.

Всем известный роголи-

стик так вжился в водную среду, что утерял совсем корни, плаваает зарослями возле дна. Его пыльцу разносят не ветер и не пчелы, а вода, цветет роголистник под водой. Он совсем утратил связь с воздушной средой. А валлиснерия, хорошо известная своими красивыми длинными лентовидными листьями, имеет развитую корневую систему, с помощью которой закрепляется в грунте. Ее женские цветки выносятся к поверхности на длинных гибких цветоножках. Слово на якоре, держится цветок на поверхности, там и раскрывается. Мужские цветки подобны коробочкам с пылью, они тоже устремляются к поверхности и там раскрываются. Опыление происходит на воздухе — прежней родине валлиснерии. А созревать плод уходит в воду, якорь-цветоножка спирально закручивается и погружает опыленный цветок.

Ее ближайший родственник водокрас когда-то «попеленус» нырять в воду. Сушу он покинул, но устроился на солнышке, на поверхности воды — тут и розетка круглых листьев и мелкие цветочки. В глубине воды уходят только белые мохнатые корни. Водокрас-лягушатник не любит нырять и сейчас. Листья его для плавучести имеют аэрокамеры, специальные полости с воздухом. Попробуйте заглубить растение — водокрас тотчас начнет выбрасывать молодые листья на длинных-предлинных черешках, чтобы скорее достигнуть поверхности.

Колючий телорез, похожий на комнатное растение алоэ, или столетник, любит и у поверхности плавать, и на глубину нырнуть. Это растение в течение года мигрирует вертикально: то всплывает, чтобы выставить из воды

цветки, то погружается, чтобы размножиться около дна боковыми отростками.

Валлиснерия, водокрас и телорез — ближайшие родственники, представители одного семейства водокрасовых. Общее, правда, у них только то, что осталось от предков, — органы размножения, цветки. По внешнему виду да и по степени приспособленности к жизни в воде это совсем разные растения. Но здесь хоть представители одного семейства переселились в воду.

А бывает, что родичи совсем сухопутных растений переезжают на новые квартиры — в воду! Лобелии часто высаживают на клумбах, и их же родичи живут в воде. Американская водная лобелия еще похожа на сухопутную, а вот европейская больше напоминает коротенькую валлиснерию — схожие условия существования вызывают и похоть неродственных видов — конвергенцию. Вишнево-красная ирезине тоже частый гость садовых клумб и рабаток, а ее родич в притоках Амазонки образует пурпурные заросли под водой. Кринум в горшке на подоконнике не погибнет, если его забудут день-два поливать, кринумы вообще довольно засухоустойчивые луковичные растения. А в тропиках Южной Америки, Африки и Малайзии растут подводные кринумы.

Оказывается, армия переселившихся в воду цветковых растений очень разнообразна и интересна. Чтобы заниматься этой группой водных растений, надо читать много ботанической литературы. Но для начала можно попробовать засадить комнатный подводный сад растениями попроще, теми, что продают в зоомагазине или растут в ближайших водоемах.

Что для этого надо?

Прежде всего дом со стеклянными стенками — банку или аквариум. На дно укладывают промытый речной песок слоем в 4—6 сантиметров, красиво располагают речные камешки. Воду надо брать из водоема (ее предварительно профильтровать через плотную ткань) или водопроводную (этой воде надо неделю отстояться). Теперь водоем готов, можно высаживать сад. Растения сажают только со свежими листьями, старые обрезают. Корни погружают в грунт, черенки без корней прижимают камнями. Однородные растения располагают вместе, рощицей, крупные на заднем плане, более низкорослые ближе к передней стенке. Полуфабрикат сада готов. Теперь, когда растения разрастутся, образуются красивые густые джунгли. Что

же требуется, чтобы растения хорошо росли? Прежде всего свет. Зимой света у окна недостаточно, летом у южного окна его слишком много. Освещенность аквариума лучше всего будет у восточного или западного окон, если водоем стоит на расстоянии метра от стекла. А у северного окна можно придвинуть аквариум вплотную к рамам. Можно освещать аквариум электролампой, тогда его ставят в любом месте комнаты. Норма электроосвещения такая: в двадцатилитровом аквариуме лампа мощностью в 25 ватт должна гореть 8 часов. Но и темнота нужна растениям. Устраивайте им восьмичасовую ночь. В оставшиеся 8 часов суток вы сами должны решать, включать лампу или нет. Это зависит от освещенности комнаты.

Но помните: более сильное освещение может вызвать бурное цветение воды. Листья растений покроются низшими водорослями и станут разрушаться. Более слабое вызовет гибель самих растений.

Второе условие благополучия подводного сада — это регулярная смена воды. Менять надо не более $\frac{1}{4}$ всей воды и не реже раза в месяц. Третье условие — в аквариуме держите немного мелких рыб, их выделения послужат растениям пищей. Хороши для этого живородящие и неоновые рыбки, барбусы, данио.

Ну вот, подводный сад готов. Если он устроен правильно и режим содержания будет соблюдаться, через месяц-другой подводный сад станет украшением комнаты.

М. Махлин

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

**КТО ИЗ ВАС СТАНЕТ ЧЕМПИОНОМ — СКОРОХОДОМ, ФИГУРИСТОМ, ХОККЕИСТОМ?
ЭТО ПОКАЖУТ ВАШИ УСПЕХИ НА ЛЬДУ, А ОНИ ЗАВИСЯТ ОТ ВАС, ОТ ТОГО, МНОГО ЛИ ВЫ ТРЕНИРУЕТЕСЬ.**

Для вас в магазинах спортивных товаров подготовлен большой выбор всевозможных коньков: двухполосные, «снежок», «снегурочки», хоккейные, беговые и для фигуристов, а также чехлы к ним.

Все на лед! Постарайтесь сделать так, чтобы в вашем дворе, в вашей дружине все умели бы кататься на коньках.

Желаем вам здоровья и больших успехов на льду!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАЗА СПОРТИВНЫХ ТОВАРОВ
РОСКУЛЬТТОРГА

Рис. В. Прокофьева

Записки натуралиста

МЕДВЕДЬ-СИДУН

Кони по самое брюхо вязли в снегу. Гривы их дымилась от пота. Мы бы давно вернулись домой, но охотоведу Павлу Михайловичу захотелось заехать в ключ Дикий. После охотничьего сезона, как это водится, мы провели учет белки и соболя, считая следы на берегах речки Дюрбы. Заехали в ключи и пади Кабаний, Унгур, Тысячный, Быстрый. А в Диком никто не охотился. Как бегали там собольки, так и бегают. Не тронуло их ни ружье, ни капкан.

— Вот поэтому я и хочу туда заехать, — сказал Павел Михайлович. — Соболей там теперь развелось, наверное, уйма. Хочу лучшего охотника послать туда на будущий год. Избушку надо посмотреть: сгнила, поди, вся.

Охотник Федор, наш проводник, заметил, что в Дикий никто не пойдет. Неуютное место, дорога — ноги поломаешь. Бурелом, кручи, теснины, камня величиной с дом. Или того хуже: наледь, которую не обойдешь, не объедешь.

Федор говорил правду: почти всю дорогу мы вели коней в поводу, карабкаясь по обледеневшим камням. А ровные места, как назло, были забиты сугробами. Ехали мы целый день, хотя от Дюрбы до вершины Дикого едва ли тридцать километров будет.

Вдруг конь Федора остановился, закаменел. Уши коня нервно двигались, подрагивали края ноздрей. Федор стегнул лошадь концами поводьев, но та, испуганно захрюпав, прынула назад.

— Стоп, ребята! — остановил Федор. — Медведь там. Это точно! Мой Рыжка лучше всякой собаки чувствует — старый таежник!

— Вернемся, — сказал Павел Михайлович, — придется тебе, Федор, сушить унты возле костра. Утро вечера мудренее, как говорится.

Не хотелось нам ночевать под открытым небом, да что поделаешь? Нарубили мы сухостой, выбрали под скалой место поуютнее и кое-как скоротали ночь возле костра. Никому из нас и в голову не пришло, что медведь, напугавший коней, так же вот сидит, прислонясь спиной к скале, сидит на куче хвоста — только что костра перед ним нет.

Утром Павел Михайлович и Федор оставили меня досматривать коней, а сами, взяв карабины, пошли вперед, искать медведя.

Вернулись они смущенные.

— Сидит! — сказал Федор. — Сел и сидит. Стрелять была охота, да Павел Михайлович не дал.

— Стрелять нельзя, — сказал охотовед. —

Редкий медведь. Я первый раз вижу такого. Слышал только, старики говорили: есть, мол, медведь-сидун. Большой, черный. Берлог не устраивает на зиму. Сядет возле скалы или дерева и всю зиму сидит спит.

— Ну, я-то перевидел и черных и бурых на своем веку, — сказал Федор, — а вот такую открытую берлогу первый раз тоже вижу.

Другим бы я не поверил: розыгрыш! Но Павел Михайлович и Федор — мужики серьезные. Зря не скажут! Да и для шуток время было не то: как теперь проехать в Дикий? Возвращаться, не выполнив своего замысла, охотовед не хотел, но и медведя нельзя тревожить: уйдет с насиженного места, станет шатуном, пропадет с голоду. объехать спящего бедолагу? Но где объедешь, когда кругом такие теснины, отвесные бока сопок, скалы! Только один путь и был с Дюрбы в Дикий.

— Чтобы кони не фыркали и не дичились, — произнес Федор, — я набью им в ноздри листьев. Есть такая трава — черногрив. От нее на время нюх теряется.

Добыл он траву-черногрив где-то на вершине сопки, под снегом, сладил свое зелье возле костра. Через бумажные трубки Федор вдул в ноздри коней порошок, и мы снова двинулись в путь на вершину Дикого. Кони шли в поводу.

Над ключом висел дым — курилась наледь. Кричали кедровки, зловредные птицы. Они всегда вот так кричат, предупреждая об опасности изюбра, медведя, лося.

По снегу, размякшему от наледи, кони ступали бесшумно. Сквозь редкий пар я с опаской, почти со страхом, поглядывал на тот берег, на скалы, где спал медведь-сидун. Я вел трех коней, которых мы связали гуськом. Впереди шел Федор, замыкающим — Павел Михайлович. Карабины они держали наготове. Может, сидун уже проснулся от крика кедровок, и кто знает, что у него в голове?

Дым морозных испарений качался над валунами, овал скалы и кедров. Обрыв сопки спихнул нас в самое русло ключа. Кони зашлепали по наледи, разбрызгивая ошметья желтого снега, забили копытами по оледеневшим камням.

Мы прошли с километр, и Павел Михайлович дал отбой: теперь не опасно. Казалось бы, надо радоваться, садиться в седло и ехать дальше, но мне стало вдруг грустно: будто я потерял что-то. Такое редкое чудо, медведь-сидун, и я его не увидел! Я стал просить Павла Михайловича показать мне место, где дрыхнет медведь-сидун, сводить меня туда.

Есть же на свете такие охотоведы! Федору он не дал выстрелить в медведя, а мне сейчас стал втолковывать что-то насчет нежной психики зверя и что ее нель-

зя, мол, травмировать лишний раз: медведь спит, а сквозь сон все слышит, волнуется.

Но я уговорил-таки Павла Михайловича! Федор остался стеречь коней, а мы шли опять через наледь, карабкались на скалы, ползли по снегу на край пропасти. Карабин, который Федор дал мне на случай опасности, цеплялся за кусты, и охотвед все время на меня шикал, слыша треск сучьев. Зачем мне надо было брать карабин, когда наверху мы были в полной безопасности? Утром отсюда же, с вершины пропасти, разглядывали спящего зверя мои спутники.

От ключа отходил закоулок, выбитый в скалах, и медведь устроился в самом углу. Под навесом бурых диабазовых глыб темнело бесформенное пятно, я просто диву дался: какое чутье и какая интуиция помогли Павлу Михайловичу найти зверя в этом закоулке? Хотя ведь с ним был Федор, а от глаз Федора ничто не может укрыться в тайге. «Под елкой, среди зверя родился», — как сам о себе говорит Федор.

Павел Михайлович протянул мне бинокль, я не сразу разглядел зверя: низ загоразивал валун да еще лиственница раскинула перед ним свои сучья. Наконец обрисовалась длинная треугольная голова, упавшая на грудь. Казалось, что зверь околел, давно мертвый. Но куржак на лбу и ушах говорил о том, что медведь живой — дышит! Даже отсюда было видно: мех зверя совершенно черный, цвета сажи.

По следам я видел, что Павел Михайлович и Федор подходили ближе к медведю, но охотвед не разрешил мне идти туда. Мы вернулись к коням.

К вечеру добрались до избышки на вершине Дикого. Соболей здесь было много — под кедрами густо переплетались цепочки следов. Федор натопил каменку и, блаженствуя в тепле, сказал:

— Считается, что это монгольский медведь. Он будто бы приходит с гор Монголии. Но вот что забавно: они ведь не все на открытой земле спят зиму. Некоторые в берлоги залазят.

— Это скорее черный медведь, а не монгольский, — поправил Федора охотвед, снимая с каменки закипевший чайник. — Точнее, гибрид бурого с черным. Вот у них и перемешались привычки. Черный ведь тоже спит сюда.

Мы тогда не стали пытаться судьбу второй раз — перевалили хребет и вернулись домой по льду Амалата, хотя это отняло у нас лишних два дня пути. Павлу Михайловичу не хотелось «травмировать психику» сидуна.

КРАБЫ В НОРКАХ

Вдоль берега острова тянулась защищенная от волн коралловым рифом отмель. Ее населяли крабы.

Как-то я выбрал время, пришел сюда, уселся на обломках шлюпки, выброшенной течением, и стал наблюдать.

Песок был изрыт тысячами норок. Каждая закрыта комочком песка — пробкой. Вот зашевелился комочек, приподнялся, открылась норка. Высунулся из нее краб. Одна клешня маленькая, вторая раз в пять больше. Вылез краб из норки по пояс, поднял над головой большую клешню — и ну семафорить! Вверх-вниз, вверх-вниз! Ходит взад-вперед фиолетовый флаг. Далеко его видно.

Сперва я даже не понял, кому семафорит краб. Потом заметил. Невдалеке еще одна норка, в ней второй краб, побольше. То ли норка ему узка, то ли место, где она вырыта, разорвалось — страшно хочется большому подойти к соседу. Только он вылезет, шаг сделает, навстречу флаг: «Не подходи, мол, занята норка, и земля вокруг нее занята. Подойдешь — буду драться!»

Потоптался, потоптался большой — и

Н. Янков

назад. На край своей норы сел, лапки свесил, раздумывает.

Крабы на отмели ко мне привыкли, совсем перестали обращать внимание. Некоторые даже из норок вылезли, бегают.

Вот бегут два, навстречу друг другу. Бегут, один другого не видят. Ботинок мой им мешаает. Выбежали из-за ботинка — и нос к носу. Остановились как вкопанные. Смотрят друг на друга. Потом, не сговариваясь, клешни подняли и тоже давай семафорить. Должно быть, выясняют: кто кому дорогу уступить должен. Один говорит — я сильнее! Второй — я!

Стоят друг против друга, лапки по песку расставили, машут клешнями. Один получше сигналил, другой — похуже.

Верно, который получше, тот и сильнее.

БЕЛЫЙ ПЕСОК

Плавая у коралловых скал, я всегда удивлялся, откуда у их подножия белый песок? Скалы бурые, дно — ил, трава, и вдруг песок. Белые сверкающие осыпки, будто кто-то расстелил вышитые светлыми блестками холщовые платки.

Неоткуда тут взяты белому песку.

На опушке коралловой рошицы я заметил как-то стайку рыб-попугаев. Бледно-зеленые, с розовыми крапинками, они деловито суетились около раскидистых, похожих на оленьи рога ветвей.

Попугай то и дело подплывали к ним и, сунув между ветвей головы, застывали, занимаясь каким-то важным и непонятным мне делом.

Я подплыл поближе.

Большой попугай, обманутый моей неподвижностью, приблизился и стал обследовать ветку. Он тыкался клювом в желтые липкие отростки, ухватывал, повернувшись на бок, отламывал кусочек и начинал, смешно подергивая головой, жевать. Пожевав, попугай сплевывал. Желтое мутное облачко, клубясь, опускалось на дно. С завидным проворством рыба налетала на него раз за разом, что-то выхватывая из облачка. Облачко вытягивалось — раньше других на дно опускались светлые каменные частицы мертвого коралла.

Так вот в чем разгадка белого песка. Это перемолотый рыбами известняк из затейливых коралловых построек.

Я осмотрелся. Вокруг меня кипела неустанная хлопотливая работа: сотни рыб набрасывались на причудливые оленьи рога, на изогнутые чаши, пережевывали, перетирали кусочки камня, отделяя от него комочки вкусной слизи. Желтые облачка опускались на дно. Это падал белый коралловый песок.

ССОРА

Почарапав как-то кончиком гарпуна руку, я решил, что лучше надеть на него какую-нибудь трубку. Пластмассовая оказалась скользкой — все время слетала, я выбросил ее и нацепил резиновую.

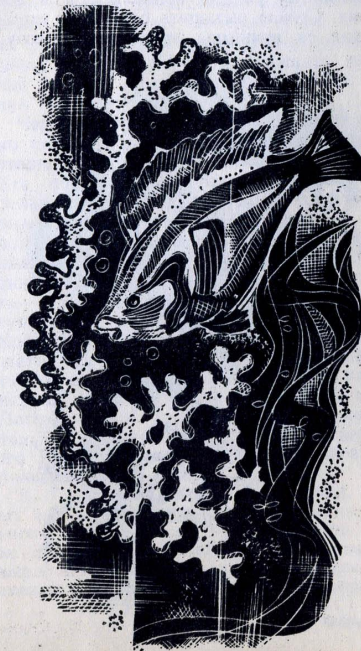
Выброшенная трубка осталась лежать на дне.

Однажды около нее появился рак-отшельник. Ему, видно, стала тесной раковина, которую он таскал раньше на спине, и он бродил в поисках нового домика.

Трубка ему понравилась. Он сунул в трубку усы, потом одну клешню, вторую. Обежал кругом и, пристроившись спиной, начал пятиться, осторожно влезать брюшком. Должно быть, края трубки царапали мягкое, не защищенное броней тело — рак ежился, вертелся.

В это время около трубки появился второй рачок. Этот тоже был без домика, и ему трубка приглянулась. Осмотрев ее, рак принял решение. Он был попроворнее, и, когда первый отшельник забрался в пластмассовый дом, второй уже сидел в нем.

Забравшись, рачки отправились в путь. Они дружно высунули ножки, приподняли спинами трубку и потянули каждый в свою сторону.

Если бы один отшельник оказался сильнее, наверное, все решилось бы в его пользу. Но рачки попались одной силы. Они устали и одновременно вылезли — каждый из своего конца трубки.

Не оглядываясь, рачки отправились во свояси. Искать домики. Врозь.

С. Сахарнов

ЯДОВИТЫЕ ВОСЬМИНОГИ

Скорпионы и тарантулы обладают весьма дурной репутацией. Но на самом деле они совсем не агрессивны и, даже защищаясь, неохотно используют свое ядовитое оружие. Я убедилась в этом, когда наша семья отдыхала на Кавказе.

Здесь, в сырых буковых лесах, водятся много скорпионов. Днем они прячутся в тухлятых пнях, под камнями и стволами упавших деревьев. Они не превышают в длину 4—5 сантиметров, окрашены в шоколадно-блестящий цвет и очень забавно передвигаются, словно заводные игрушечные машинки. Нрав у них самый тихий: не трогайте их, и они вас не тронут. Мне эти членистоногие ужасно нравились, и я ловила их. Стоило вытащить одного из укрытия, как он принимал угрожающую позу:

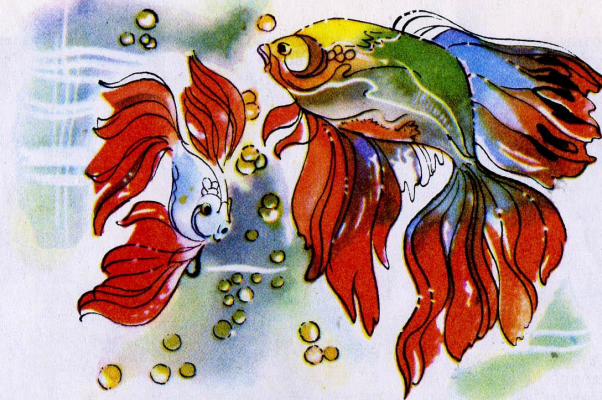

растопыривал клешни и приподнимал «хвост» — последний сегмент брюшка с ядовитым крючком на конце. Но лишь с большим трудом мне удавалось раздражить его до такой степени, что он жалил пинцет. Обычно скорпион просто-напросто норовил скрыться.

Несколько штук я привезла в Москву. Скорпионы жили в банке из-под варенья, где был насыпан песок и сухие листья, а украшениями служили сухие веточки. Оказалось, что скорпионы хорошо лазают и много времени проводят на сучках. Днем они спали, а ночью ползали. В корм получали мух, кузнечиков, гусениц и мучных червей. Как-то я наблюдала охоту одного из них. Скорпион подкрался к личинке мучного хрущака и ухватил ее клешнями. Потом он вскарабкался на ветку, пятясь задом, как рак, и держа добычу в одной клешне. Заняв удобную позицию в развилке, он опустил подрагивающий «хвост», ошупал им личинку и нанес удар. С минуту скорпион терпеливо ждал, пока личинка перестанет шевелиться, и, как паук, принялся высасывать ее. Скорпионы часто и охотно пили воду. Если два членистоногих случайно сталкивались, то угрожающе поднимали клешни и «хвосты» и, простояв в такой позе несколько секунд, разбегались в разные стороны. К сожалению, через несколько месяцев все они у меня погибли.

Однажды в Рицинском заповеднике мы наткнулись на щепнистую осыпь, спускающуюся к реке. Здесь росли какие-то колючие растения с фиолетовыми цветками. Горячий воздух вокруг них дрожал и клубился от множества пчел. Сюда же плавно, будто крупные хлопья снега, опускались белые бабочки-боярышницы. Я стала переворачивать камни и вскоре увидела огромного паука. Он бросился спасаться под другой камень. Это был южнорусский тарантул. Пауков оказалось довольно много, я даже нашла самку с потомством. Толстая черно-бархатная паучиха несла на себе остатки кокона и кучу детей. Крохотные серовато-оливковые жизнерадостные паучата копошились на ней, перебегая с головогрудки на брюшко и обратно, но на землю не слезали. Многолетняя мать (паучат было не меньше сотни) помчалась что есть духу и спряталась под соседний камушек. Но я снова и снова выгоняла ее, пока как следует не рассмотрела. Тогда перепуганная паучиха начала сбрасывать детей своими мохнатыми лапками! Ведь не могла же она допустить, чтобы ее драгоценное потомство досталось врагу. Паучата, попав на землю, замирали. Я оставила это семейство в покое.

А сейчас, вспоминая тарантулов, я жалею, что не поймала себе парочку паучат и не понаблюдала за ними.

РЫБКИ У ГНЕЗДА

Мои любимые аквариумные рыбки — петушки. Они красивые, энергичны и драчливы — недаром их еще называют «бойцовыми рыбками». Если они с детства содержатся с другими рыбками, то привыкают к ним и живут, поддерживая что-то вроде вооруженного нейтралитета. После смены воды всякий нейтралитет кончается. Почему это происходит? На своей родине, в Юго-Восточной Азии, бойцовые рыбки водятся в пересыхающих лужах и канавах. В период дождей водоемы наполняются свежей водой, и создаются благоприятные условия для размножения. А перед этим обязательны брачные драки самцов.

Взрослые самцы дерутся удивительно красиво! Однажды я посадила вместе зеленого и синего петушков. Секунду они в невероятном изумлении созерцали друг друга. Потом распушили свои роскошные плавники и хвосты и растопырили жаберы. Их окраска стала поразительно яркой, рыбки засверкали, как драгоценные камни. Некоторое время они плавали бок о бок, дрожа и вибрируя всем телом. Каждый хотел получить показать себя и устрашить соперника. Глядя на это феерически прекрасное зрелище, я вспомнила, что в некоторых странах специально устраиваются бои бойцовых рыбок наподобие настоящих петушиных боев. Вдруг в моем аквариуме заметались две молнии, синяя и зеленая. А через несколько минут плавники и хвосты у обоих самцов были изодраны в клочья. Я поспешила рассадить их.

Я решила получить потомство от этих рыбок. Отсадила синего петушка-самца в 15-литровый аквариум со свежей водой. Чтобы ему не было скучно, поставила рядом зеркало. Весь день он провел в тщет-

ных попытках подраться со своим отражением. А на следующий день петушок начал строить гнездо: захватывал ртом воздух и выпускал пузырьки у поверхности воды. Тогда я пустила в аквариум белую самочку.

Нерест длился несколько часов. С полчаса петушки вместе охраняли гнездо, а затем самец прогнал самку. Пришлось ее отсадить. В противном случае самец, будучи одержимый мыслью, что самка собирается съесть драгоценные икринки, непременно убил бы ее. Прошли сутки, и гнездо разрушилось, икринки упали на дно, а синий петушок перестал обращать внимание на свое потомство. Он оказался жалким лодырем.

Через некоторое время я повторила опыт, но подобрала другую пару: изумрудно-зеленого самца и зеленовато-белую самку. Все повторилось, рыбки отметали икру. Зеленый петушок оказался очень заботливым отцом. Он исправно ухаживал за гнездом: добавлял новые пузырьки воздуха, хватал и возвращал обратно выпавшие икринки. Спустя два дня появились мальки — крохотные, совершенно прозрачные существа с огромными черными глазами. Казалось, что в пене сами по себе копошатся эти точки-глаза. Отец еще два дня ухаживал за ними точно так же, как за икринками. Все это время он ничего не ел. Потом мальки стали слишком самостоятельными, и петушок бросил их. Я вернула его в общий аквариум, где он вновь занялся драками.

К сожалению, все мальки погибли, потому что я не приготовила им вовремя нужного корма. В живых остался лишь один, но зато какой! Прошло три месяца, он вырос и сделался изумрудно-зеленым красавцем с огромными пышными плавниками.

Л. Чебыкина

Не прогремит над заснеженным заповедным лесом разбойный выстрел браконьера, его зловещее эхо не спугнет косулю. Часто привычной тропой прибегает она сюда, на эту поляну, к кормушке с сеном и ветками деревьев. Столовая, устроенная людьми, всегда обильна и приветлива. Да разве только косулям помогают егеря! Быстрые строчки следов, словно визитные карточки лесных обитателей, говорят, что приходят к кормушкам кабаны и зайцы, изюбры и белки-телеутки.

Для всех зверей открыты в Крымском государственном заповеднике столовые. Оттого и не страшны им стужи, метели, сугробы. Вот о чем рассказал фотосюжет нашего читателя Н. Орлова из Ялты.

Если косулю видел не каждый, то с синичкой-гаечкой знакомы почти все. Сама-то она маленькая, но пользу лесу приносит большую. Надо помнить об этом. Развесить весной синичники, устроить в зимнюю стужу кормушку на балконе или под окном. Чаще всего синички появляются возле добрых домов. Там, где хозяева вовремя побеспокоились об угощении, где не спугнет птицу камень, вылетевший из рогатки озорника. А уж летом синица всегда оплатит добром за заботу. И тогда подарит лес такой удачный кадр, как Л. Михайловскому из Житомира.

Саша Муренко,

Днепропетровская область

«ПТИЧКИ»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

В. Кулагин. Город родной над Невой	1
Зеленый наряд Отчизны	4
Л. Плешаков. Для рыбных урожаев	6
И. Цигельницкий. Одиноким странники	9
Александр Проханов. Смолистые струги Тоджи	12

Лесная газета	16
Ренцо Видезотт. ПERNАТЫЙ КОРОЛЬ	22
З. Мукашев. Гургули	33
Клуб Почемучек	36
За стекляннЫм берегом	44
Записки натуралиста	48

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице обложки — бойцовые рыбки, или петушки. Они очень красивы и драчливы. В некоторых странах Юго-Восточной Азии их даже специально держат для устройства поединков.

Трудно ходить лесом по глубокому снегу (четвертая страница обложки). Поэтому ищет он проторенные тропки, кормится у дорог.

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ 251-15-00
90б 4-80

ЖУРНАЛ ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ
Редакционная коллегия: Григорьев В. В., Корчагина В. А., Клунов С. К., Пономарев В. А., Подrezова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук, профессор Н. А. Гладков.

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Л. И. Курдыкова

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 3/XII 1973 г. Подписано к печ. 29/XII 1974 г. А00878. Формат 70x100/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 551 000 экз. Заказ 2409. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Суцеская, 21.

ЗИМНИЙ ЛЕС

Мы шли по лесу. Ночью ветер, как искусная кружевница, сплел из снега и деревьев кружево. Ветви дуба, если смотреть снизу, казались причудливыми змейками в вате. И вдруг — чудо! В середине черно-белой кружевной стены висело рыжее облако. Это лиственницы. Они стояли пушистой толпой. На их ветвях лежал чистый белый снег. А внизу из такого снега тянулись бурые травинки и какие-то растения с «зонтиками»-верхушками. На каждой веточке «зонтика» шапкой лежал снег.

Лес полон чудесных видений. Там растут старые дубы с искривленными стволами. Рядом — молоденькие березки с розовой или кремовой корой и даже несколько берез с фиолетово-лиловой. Кора шелушилась, и я взяла себе несколько кусков. Сквозь них хорошо глядеть на солнце.

На коре лиственницы было много смолы. Некоторые прозрачные капельки блестели на солнце. Хотелось взять эту смолку-росинку в руки. Но от самого легкого прикосновения она вытягивалась обыкновенной мутной смолой.

Солнце садилось. Оно похоже на красный шар. На небо ложились мягкие розовые отсветы. С востока медленно надвигался вечер. Через все небо летела большая птица. Ее черный силуэт резко выделялся на небе. Птица пролетела сквозь солнце и скрылась. В вышине робко засияла первая звезда.

Москва

Лена Васильева

20 коп.
Индекс 71121